

**International Research Federation
«Science Public»**

Scientific achievements of the third millennium

Collection of scientific papers

on materials

VI International Scientific Conference

30.09.2017 г.

Part 1

LJOURNAL.RU

Chicago 2017

Scientific achievements of the third millennium. Collection of scientific papers, on materials of the VI international scientific-practical conference 30.09.2017 Pub. SPC "LJournal", 2017. - 64 p.

SPLN 001-000001-0191-SA
DOI 10.18411/scc-30-09-2017-1
IDSP 000001: scc-30-09-2017-1

The collection of scientific papers of the materials collected from different areas of scientific knowledge. This publication contains all the materials that were sent to the VI International scientific conference "**Scientific achievements of the third millennium**"

The collection is intended for researchers, teachers and students

All materials contained in the book, published in the author's version. The editors do not make adjustments in scientific articles. Responsibility for the information published in the materials on display, are the authors.

Information about the published articles will be transferred in the Russian Science Citation Index (RISC)

The electronic version of the collection is available online scientific publishing center «Science Conf" Site center: science-conf.com

UDC 001.1
LBC 60

Contents

РАЗДЕЛ I. ПОЛИТОЛОГИЯ	5
Зейналова Ш.И. Основные факторы определяющие необходимость обновления базы взаимоотношений между Азербайджаном и ЕС.....	5
РАЗДЕЛ II. ЭКОНОМИКА	11
Дзахмишева И.Ш., Акбашева А.А. Анализ состояния почвенного плодородия в Карачаево-Черкесской Республике	11
Ермакова Г.А. Обеспечение эффективности использования интеллектуального капитала на основе взаимодействия организаций, осуществляющих научные исследования, разработки и обрабатывающих производств, сельского хозяйства	16
Локтионова М.А. Оценка прибыльных и убыточных коммерческих корпоративных организаций с позиции формирования их финансового потенциала	19
Andreeva T.A. The Application of Mechanisms of Public-private Partnership in the Arctic Zone of Russian Federation.....	23
Kirizleyeva A.S. The problems of adequacy of banking institutions establishment and development in Russia and Ukraine: comparative aspect.....	25
Pshikhachev S.M., Pshikhacheva J.S. Russian rural development strategy and structural challenges	30
РАЗДЕЛ III. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	37
Пучкова В.В., Цергер В.И. Конституционно-правовое регулирование реализации права граждан на бесплатную медицинскую помощь и оказания платных медицинских услуг	37

РАЗДЕЛ IV. ПЕДАГОГИКА	42
Голованов С.А., Кулькова И.В., Расулов М.М. Фитнес для коррекции здоровья мужчин, болеющих сахарным диабетом, ожирением и гипертонией	42
РАЗДЕЛ V. ПСИХОЛОГИЯ	44
Наследов А.Д., Мирошников С.А., Ткачева Л.О. Маркеры задержки психического развития детей дошкольного возраста	44
Потокина А.М. Проблема выбора метода в психологическом исследовании	50
РАЗДЕЛ VI. ФИЛОЛОГИЯ	52
Gorshunov Y., Gorshunova E. English-speaking mass media titles in Rhyming Slang	52
РАЗДЕЛ VII. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	55
Садыхзаде Х.А. Возникновение древних площадных представлений и их виды	55
РАЗДЕЛ VIII. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	61
Raimkulova A. Eurasian archaic in the post-soviet Kazakhstan art (on example of composers' creativity)	61

РАЗДЕЛ I. ПОЛИТОЛОГИЯ

Зейналова Ш.И.

Основные факторы определяющие необходимость обновления базы взаимоотношений между Азербайджаном и ЕС

Университет «Хазар»
(Азербайджан, Баку)

doi 10.18411/scc-30-09-2017-01

idsp 000001:scc-30-09-2017-01

Abstract

The article investigates the development of cooperation between Azerbaijan and the EU. These issues have very important value for Azerbaijan. So, one of the strategic directions of Azerbaijan's development is the establishment of political and economic cooperation with the EU and integration into the European space. Between the EU and Azerbaijan has been accumulated a certain experience of cooperation over a more than 20-year period.

At the same time, the article explores the main factors determining the need to update the base of relations between Azerbaijan and the EU. The author concludes that the new agreement should be directed to the renovation and modernization of the framework for cooperation between Azerbaijan and the EU and its Member States. Besides, it should reflect both the formed elements of integration relations and the provisions on further deepening of integration between Azerbaijan and the EU.

После восстановления своей независимости одним из стратегических направлений экономического развития Азербайджана является интеграция в европейское экономическое пространство. Поэтому наша страна крайне заинтересована в участии в процессах европейской интеграции. Как отмечает президент Азербайджана И. Алиев, Европейский Союз (ЕС) отражает лучшую практику мировой организации, поддерживающей своих членов. Каждая страна, в том числе Азербайджан, должна стараться достичь высокого уровня солидарности в соответствии со стандартами ЕС.

Не вызывает никакого сомнения, что Азербайджан и ЕС в целях дальнейшего развития и углубления интеграционных процессов, нуждаются в перестройке своих взаимоотношений и обновления ее договорной базы. Это обусловливается рядом объективных причин и факторов.

Во-первых, прошло почти 20 лет с момента заключения Соглашения о Партнерстве и сотрудничестве (СПС) между ЕС и Азербайджаном и действующее соглашение не соответствует уровню современных взаимоотношений между ними. За этот период времени накоплен значительный опыт сотрудничества между ЕС и Азербайджаном. Следует отметить, что СПС ЕС с Азербайджаном по своей структуре и содержанию в целом совпадал с аналогичными соглашениями, заключенными ЕС с рядом других постсоветских стран по той причине, что после распада СССР все постсоветские страны находились, в общем-то, примерно в одинаковых условиях развития. Однако за прошедший период времени каждая из них пошла своим путем развития. На сегодняшний день существующие модели (политические, экономические) развития постсоветских стран существенно различаются друг от друга. Кроме того, по разному сложились основные параметры взаимодействия этих стран с ЕС. В отношении ЕС с Беларусью подписанный в марте 1995 г. договор о СПС не вступил в силу из-за приостановки со стороны ЕС процесса ратификации данного документа по политическим причинам, что оказало непосредственное влияние и на все другие сферы взаимодействия этой страны с ЕС. Правда, Беларусь участвует в программе «Восточное

партнерство». Следует также подчеркнуть, что в рамках осуществления Европейского инструмента соседства и партнерства в 2007-2013 гг. происходил последовательный рост объемов средств, выделяемых ЕС для Беларуси в целях оказания технической помощи по линии ежегодных программ действий с 5 млн. евро в 2007 г. до 17 млн. евро в 2012 г. А всего, за этот период Беларуси было выделено 71,6 млн. евро на различные программы. В рамках программы микрокредитования Беларуси со стороны Европейского банка реконструкции и развития за 2001—2013 годы выдала 37313 кредитов на общую сумму в 837 млн долларов. [1, с. 86] Кроме того Беларусь участвует в программах трансграничного сотрудничества ЕС «Польша – Украина – Беларусь», «Латвия – Литва – Беларусь» и «Регион Балтийского моря», а также программах ERASMUS MUNDUS, TEMPUS и др. по оказанию помощи на проведение реформ в системе образования. Кроме того Беларусь принимает активное участие в промежуточной фазе Диалога по модернизации. Возобновлен Диалог по правам человека с ЕС, начались переговоры по упрощению визового режима и реадмиссии, а также по подписанию акта Партнерства по мобильности. Молдова, Грузия и Украина заменили СПС с ЕС соглашениями об ассоциации и создании глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли. Армения на протяжении определенного времени, а именно с 2010 г. вела переговоры с ЕС о заключении договора об ассоциации и уже готовилась к подписанию такого соглашения. Однако после сильного политического давления со стороны России на Армению переговоры между ЕС и этой страной по заключению Соглашения об ассоциации в октябре 2013 г. были прекращены. После этого эта страна 10 октября 2014 г. присоединилась к Единому Экономическому Пространству (ЕЭП), подписав соответствующий договор, который, вступил в силу с января 2015 г. Однако в последний период времени Армения предпринимает шаги и готовится к подписанию нового соглашения с ЕС о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. Новое соглашение между Арменией и ЕС, предположительно, будет подписано до декабря 2017 года. По всей видимости этот документ будет носить чисто декларативный характер и не будет содержать положений о создании свободной экономической зоны между сторонами. Иначе этот документ будет прямо противоречить обязательствам Армении по евразийской интеграции. СПС ЕС с Туркменистаном хотя и был подписан в мае 1998 г., однако все еще не прошел процесс соответствующей ратификации со стороны государств-членов ЕС и Европарламента. Хотя с 1991 г. по настоящее время ЕС предоставил Туркменистану техническое содействие на общую сумму, превышающую 177 млн. евро, причем из этой суммы около 104 млн. евро было направлено на выполнение различных национальных проектов, включая и поддержку приоритетных отраслей экономики этой страны. Взаимодействие ЕС с Узбекистаном, Таджикистаном [2] и Киргизией в целом носит характер наиболее простых, по своему характеру, отношений. В основном эти отношения носят характер оказания различного рода помощи со стороны ЕС (экономической, технической, финансовой и т.д.), и говорить в целом о каких-либо интеграционных связях между сторонами не приходится. Киргизия вступила в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), которое как интеграционное объединение, задумывался и образован в противовес ЕС и, с этой точки зрения, представляется, что говорить об интеграционном взаимодействии ЕС с этими странами вряд ли вообще уместно. Кроме того эти страны географически довольно далеко расположены от ЕС.

Во-вторых, распад Советского Союза произошел стремительно, и у ЕС не было определенной стратегии взаимодействия с этим регионом и вновь появившимися постсоветскими странами. В принципе данный регион и не входил в зону первостепенных интересов ЕС. Следует отметить, что коренные изменения геополитического характера, имевшие место в конце 80-х годов XX века, вызвали необходимость выработки, с одной стороны стратегии ЕС по отношению к странам Восточной и Южной Европы, и определения, с другой стороны, собственного

экономического пути развития для стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Одним из таких ориентиров на пути развития для этих стран стал ЕС. Членство, полное либо ассоциированное, в рамках такого интеграционного объединения для многих постсоциалистических государств ЦВЕ, означало, в том числе определенный выход на рынки Евросоюза, к его ресурсам, а также возможность привлечения в экономику страны значительных иностранных инвестиций. С другой стороны расширение ЕС в 1990-е годы XX века за счет стран ЦВЕ становится одним из приоритетных направлений развития этого интеграционного объединения. В начале 1990-х годов XX века ЕЭС, а после Маастрихтского договора ЕС, являлись главным фактором развития интеграционных процессов в Европе. Как отмечает Е.А. Достанко, дилемма, стоявшая перед ЕС или расширение за счет новых членов или углубление сотрудничества, т.е. в рамках ее пятнадцати участников интенсификация процесса интеграции, разрешилась в пользу первого положения. ЕС высказался в пользу вступления новых членов, в первую очередь из стран ЦВЕ. [3, с. 39] Вместе с тем, все четче со стороны ЕЭС стало понимание того, что страны ЦВЕ нуждались не только, и может быть, не столько в оказании финансовой помощи и режиме преференций в торгово-экономической области взаимоотношений с ЕС, сколько в более тесном политическом и углубленном экономическом взаимодействии. Появляется на свет идея построения ассоциативных отношений стран Центральной и Восточной Европы с ЕЭС. С этой целью на встрече министров иностранных дел стран-членов ЕС в Дублине в январе 1990 г. были определены основные компоненты соглашений об ассоциации, а Европейский совет ЕС в апреле того же года одобрил идею о выработке конкретных договоров об ассоциации с Польшей, Венгрией, Чехословакией. Соответственно соглашения об ассоциации ЕС с вышеуказанными государствами были подписаны 13 ноября 1991 г. Подписание этих Соглашений об ассоциации устанавливало институциональную основу во взаимоотношениях между ЕС и этими странами, являлось важным шагом на пути либерализации торговли и формирования базиса рыночной экономики этих стран. Вслед за этим состоялось подписание Соглашений об ассоциации ЕЭС с Румынией в феврале 1993 г. и Болгарией в марте 1993 г. После этого последовало подписание такого же соглашения со Словенией. Саммит Европейского совета, прошедший в Копенгагене в июне 1993 г., сформулировал "копенгагенские" критерии по вступлению ассоциированных стран в ЕС, став важным шагом на пути определения стратегии расширения ЕС. Эти критерии были сформулированы на базе подготовленного Комиссией ЕЭС доклада "К более тесной ассоциации со странами Центральной и Восточной Европы". [4, с. 27] В целом доклад определял четыре группы "мер", а именно: политические (которые ведут к формированию Европейского политического пространства); экономические (помогающие открытию для стран ЦВЕ рынков ЕС); меры, направленные на повышение эффективности предоставляемой финансовой помощи; а также меры, направленные на дальнейшую интеграцию ЕС и стран ЦВЕ. Если Соглашениями об ассоциации устанавливались институциональные основы взаимоотношений между ЕС и стран ЦВЕ, то Копенгагенский саммит определил одну из основных целей ассоциации стран ЦВЕ с ЕС, заключающуюся в формировании европейского политического пространства. Последующий же саммит Европейского совета, прошедший в декабре 1994 г. в Эссене, в отношении стран ЦВЕ установил основные принципы с целью определения кандидатов на вступление в ЕС. Таким образом, для ЕЭС основной интерес представляли страны Восточной и Южной Европы, с которыми необходимо было выстраивать новые взаимоотношения.

В-третьих, следует также отметить, что за этот период ЕС территориально несколько раз увеличивался после нескольких волн расширения. На сегодняшний день уже было 6 волн расширения этого интеграционного образования, и количество стран-членов ЕС достигло 28. (Правда после проведения референдума по вопросу о сохранении членства страны в ЕС Великобритания инициировала процесс выхода из

этого интеграционного образования). Если до процесса этих расширений ЕС вообще не имел общих границ с постсоветскими странами (за исключением России, например в Калининградской области), то после вступления 10-ти новых стран в это интеграционное объединение, включая Польшу, Румынию, прибалтийские страны (Литва, Латвия, Эстония), внешние границы ЕС вышли и на такие постсоветские государства, как Украина, Беларусь, Молдова. Соответственно с этим появилась необходимость в выработке новой стратегии взаимоотношений ЕС с этими странами. Г.Н. Наджафов отмечает, что ЕС уделяет особое внимание стратегии «расширяющейся Европы», а также созданию зон безопасности и стабильности вокруг своих внешних границ. Развитие отношений с Россией, Украиной, государствами Южного Кавказа, Беларусью, Молдовой и странами Южного Средиземноморья достигается главным образом за счет использования общих механизмов международной политики – так называемых «общих стратегий». [5, с. 40]

В-четвертых, за этот период, в результате проведенных реформ произошли существенные изменения в развитии Азербайджана и значительно вырос политический и экономический потенциал нашей страны. В период заключения СПС между ЕС и Азербайджаном в 1996 г. наша страна в нем квалифицировалась в качестве страны с переходной экономикой. Однако на сегодняшний день ЕС признал Азербайджан в качестве страны с рыночной экономикой. Особенно следует отметить, что после заключения 20 сентября 1994 г. Контракта века с рядом крупнейших мировых нефтегазовых компаний на крупномасштабную разработку месторождений «Азери-Чираг-Гюнешли» в азербайджанском секторе Каспия начался интенсивный рост экономики страны. Это соглашение сыграло особую роль в привлечении иностранных инвестиций и развития сектора промышленности страны в целом. После введения в эксплуатацию нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровода Баку-Тбилиси-Эрзерум в результате осуществления энергетических проектов экономика Азербайджана выросла в целом в 2,6 раза. Почти настолько же увеличилось и промышленное производство страны. По состоянию на 2009 г., Азербайджан лидировал среди стран СНГ по темпам экономического роста. За период с 2003 по 2008 годы ВВП Азербайджана вырос в 2,6 раза по сравнению с уровнем 1990 г. Так, ВВП Азербайджана в 2013 г. составил 57,7 млрд. манат и увеличился по сравнению с 2012 г. на 5,8%. В заявлении миссии МВФ, которая находилась в Баку 21-27 октября 2014 г., отмечается, что по итогам 2014 г. рост ВВП Азербайджана составит 3,9%, а в 2015 г. – 3,4%. Номинальный ВВП составит в 2014 году 60,487 млрд. манат, а в 2015 г. – 65,11 млрд. манат. В целом же, согласно прогнозам фонда, в 2014 г., номинальный ВВП на душу населения Азербайджана составит \$8,658 тыс., в 2015 г. – \$9,34 тыс. Валютные запасы Азербайджана на 1 июля 2017 года составили около 40 млрд. долларов США. Соответственно, произошли изменения и в развитии структуры экономических взаимоотношений ЕС и Азербайджана. Так, глава представительства ЕС в Азербайджане Р. Кобиа отмечает, что по экономическим показателям Азербайджан имеет самую сильную экономику в регионе Кавказа, а также после Украины является вторым крупнейшим торговым партнером ЕС среди восточных стран. [6]

В-пятых, сегодня между ЕС и Азербайджаном гораздо больше политической и экономической интеграции, более тесные взаимовыгодные отношения, чем в период становления их взаимоотношений. Например, только за 2011 год в экономической области экспорт Азербайджана в ЕС вырос более чем на 50 %, а импорт Азербайджана из ЕС увеличился более чем на 20 %. За 2016 год доля стран ЕС в общем товарообороте Азербайджана составила 35 %, а за 4 месяца 2017 года данный показатель уже был на уровне 38 %. Инвестиции ЕС в основной капитал Азербайджана составили около 20 млрд. долларов, или же 46 % от общего объема инвестиций. В то же время страны ЕС инвестировали в ненефтяной сектор экономики Азербайджана 3 млрд. долларов, что

составляет 35 % от общего объема инвестиций в данный сектор. В настоящее время в стране действует свыше 1300 европейских компаний.

В-шестых, некоторые положения, получившие свое закрепление в СПС между Азербайджаном и ЕС устарели. Так, ст. 18 СПС предусматривает, что торговля товарами, подпадающими под действие Договора, учреждающего Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), осуществляется в соответствии с положениями настоящего раздела, за исключением ст. 12 данного договора. Кроме того, п. 2 ст. 18 СПС предусматривал создание контактной группы по вопросам угля и стали, состоящей из представителей ЕС и Азербайджана. Однако ЕОУС перестало существовать в связи с истечением срока своего действия. Поэтому эти положения СПС фактически лишились своего основания. Наряду с этим, некоторые цели и задачи, получившие свое закрепление в СПС можно сказать, в целом достигнуты. Так ст. 1 СПС между ЕС и Азербайджана отмечалось, что одной из целей партнерства является поддержка усилий Республики Азербайджан по развитию ее экономики и завершению перехода к рыночной экономике. [7] Представляется, что эта цель в целом достигнута, так как в нашей стране в целом уже построены основы рыночной экономики. Наряду с этим, некоторые цели и задачи, получившие свое закрепление в СПС можно сказать, в целом достигнуты. Так ст. 1 СПС между ЕС и Азербайджана отмечалось, что одной из целей партнерства является поддержка усилий Республики Азербайджан по развитию ее экономики и завершению перехода к рыночной экономике. Представляется, что эта цель в целом достигнута, так как в нашей стране в целом уже построены основы рыночной экономики. Наряду с этим, некоторые цели партнерства достигнуты только частично, а есть и такие, которые требуют соответствующих дополнений или изменений или корректировки.

В-седьмых, после подписания СПС ЕС выработала концепцию Европейской Политики Соседства (ЕПС), представляющую собой новый подход ЕС к соседним странам. С формальной точки зрения ЕПС возникло в мае 2004 г., после принятия Стратегического Документа по Европейской Политике Соседства (Strategy Paper on the European Neighbourhood Policy). Основной целью этой концепции было укрепление отношений между ЕС и его новыми странами-соседями после расширения ЕС, а также сотрудничество по созданию зоны безопасности и благосостояния, так называемого «кольца дружественных стран» на границах ЕС. Хотя ЕПС не предоставляет странам-партнерам перспективу присоединения к ЕС, однако наряду с другими областями, ЕПС предусматривает возможность построения привилегированных отношений с ЕС и более тесного сотрудничества. Как замечает К.И. Трубачева, в начале XXI века, на общем фоне проводимых ЕС внешних действий, особенно выделяется ЕПС, осуществляемая в отношении самых близких к ЕС соседей с Юга и Востока. Являясь составной частью, а на современном этапе, уже неотъемлемой составной частью внешней политики ЕС, Европейская политика добрососедства получила свое дальнейшее подтверждение стратегической значимости ее осуществления в нормах, получивших свое отражение в принятом в 2007 г. Лиссабонском договоре. Стремление развивать особые, привилегированные отношения с третьими странами получило непосредственное подтверждение в нормах первичного права ЕС, что указывает на важное значение проводимых в рамках ЕПС мероприятий и достижения поставленных целей. [8, с. 3] ЕПС предусматривает сотрудничество с 16 странами, в том числе и с Азербайджаном. Кроме того, в Восточной Европе с такими постсоветскими странами, как Украина, Беларусь и Молдова, а на Южном Кавказе также с Азербайджаном, Грузией и Арменией. Россия не захотела войти в эту программу. Поэтому между ЕС и Россией было принято решение далее развивать свои отношения посредством создания четырех общих пространств, согласно решениям, принятым на Санкт-Петербургском саммите в 2003 г. Однако следует отметить, что после присоединения Крыма к России и введения в связи с этим санкций со стороны ЕС в отношении России говорить о

развитии интеграционных процессов между сторонами, на сегодняшний день вряд ли уместно.

В-восьмых, после подписания СПС ЕС выработала программу Восточного партнерства (ВП) с Азербайджаном, Украиной, Молдовой, Арменией, Грузией и

Беларусью, направленную на развитие интеграционных связей ЕС с этими постсоветскими странами. Причем можно сказать, что в определенном смысле, отношения ЕС со странами-участницами программы ВП в данный период времени находятся на переходном уровне.

Таким образом, можно заключить, что совокупность всех этих вышеуказанных факторов вызывает необходимость замены существующего СПС между ЕС и Азербайджаном и заключения нового юридически обязывающего соглашения. В то же время нельзя не отметить, что СПС между ЕС и Азербайджаном является важным средством для осуществления целей и задач, стоящих перед сторонами договора, особенно в первый период после его заключения. Однако перед сторонами стоят новые задачи и цели во многих сферах взаимодействия.

Новое соглашение должно быть направлено на обновление и модернизацию основ сотрудничества между Азербайджаном и ЕС и его государствами-участниками, привести ее в соответствие с современными потребностями и нуждами развития отношений на всем европейском пространстве. Кроме того в ней должны быть отражены как сформировавшиеся элементы интеграционных отношений, так и положения по дальнейшему углублению интеграционных отношений между Азербайджаном и ЕС.

1. Мальгина И.В. Эволюция государственного управления малым и средним предпринимательством в Республике Беларусь // Вестник Мордовского университета, 2014, т. 24, № 4. - с. 82-93
2. Назиров Б.Т. Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан и Европейского Союза: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - М., 2011. - 23 с.
3. Достанко Е.А. Расширение Европейского Союза на Восток в 1990-е гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений 2002 — № 2. – 39-43
4. Mayhew A. Recreating Europe. The European Union Policy towards Central and Eastern Europe. Cambridge: Cambridge University Press; 2nd edition, 1998. – 426 p.
5. Наджафов Г.Н. Внешняя политика Европейского Союза и связи со странами Южного Кавказа. Баку, «Наука и образование», 2010. – 240 с.
6. Роланд Кобия: «Люди иммигрируют, когда не имеют возможности расти и развиваться: в Азербайджане это явно не так» // <http://regionplus.az/ru/articles/view/360>
7. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Azerbaijan, of the other part // OJ, L. 246, 17/09/1999, p. 3.
8. Трубачева К.И. Правовые основы реализации политики добрососедства Европейского Союза: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва: 2011. - 26 с.

РАЗДЕЛ II. ЭКОНОМИКА

Дзахмишева И.Ш.¹, Акбашева А.А.²

Анализ состояния почвенного плодородия в Карачаево-Черкесской Республике

¹ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
им. В.М. Кокова»
(Россия, Нальчик)

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
(Россия, Черкесск)

doi 10.18411/scc-30-09-2017-02

idsp 000001:scc-30-09-2017-02

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу состояния почвенного плодородия в КЧР. В научной статье выявлены типы и подтипы почв в Карачаево-Черкесской Республике: черноземы типичные, черноземы обыкновенные, черноземы горные, лугово-черноземные почвы. Основными почвообразующими породами почв являются лесовидные тяжелые суглинки с высокой карбонатностью. На основе анализа состояния почвенного плодородия в Карачаево-Черкесской Республике установлена крупномасштабная деградация почвы и потеря сельскохозяйственных угодий и причины ухудшения почвенного плодородия. В Карачаево-Черкесской Республике достаточно большие площади подвержены водной и ветровой эрозии. Предложены направления восстановления плодородия сельскохозяйственных земель и агроландшафтов: использование навоза и сидератов, возделывание которых позволяет полностью заменить внесение органических удобрений; возврат в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых сельскохозяйственных угодий; сокращение выбытия земель из сельскохозяйственного оборота от водной и ветровой эрозии; наращивание и качественное улучшение агрохимической мелиорации земель.

Ключевые слова: почва, плодородие, растениеводство, удобрение

Abstract

The present article is devoted to the analysis of a condition of soil fertility in KChR. In the scientific article types and subtypes of soils in the Karachay-Cherkess Republic are revealed: chernozems typical, chernozems ordinary, chernozems mountain, meadow and chernozem soils. The main pochvoobrazuyushchy breeds of soils are lesovidny heavy loams with high calcareousness. On the basis of the analysis of a condition of soil fertility in Karachay-Cherkess Republic large-scale degradation of the soil and loss of agricultural grounds and the reason of deterioration of soil fertility is established. In Karachay-Cherkess Republic rather big areas are subject to a water and wind erosion. The directions of restoration of fertility of farmlands and agrolandscapes are offered: use of manure and siderat which cultivation allows to replace introduction of organic fertilizers completely; return to an agricultural turn of not used agricultural grounds; reduction of leaving of lands from an agricultural turn from a water and wind erosion; building and high-quality improvement of agrochemical land reclamation.

Keywords: soil, fertility, plant growing, fertilizer

Агропромышленный комплекс является одной из составных частей экономики России, в которой производится важнейшая для общества продукция и сконцентрирован большой экономический потенциал. Растениеводство, как известно, является ведущей отраслью сельского хозяйства, служит сырьевой базой для многих

отраслей промышленности и обеспечивает наряду с другими отраслями сельского хозяйства продовольственную безопасность страны.

Развитие растениеводства в Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) характеризуется спадом производства продукции растениеводства. Одной из причин спада производства растениеводческой продукции, является ухудшение почвенного плодородия, что представляет проблему для эффективного функционирования сельского хозяйства.

Карачаево-Черкесская Республика относится к числу горных территорий. Пахотные земли Республики представлены различными типами и подтипами почв [2]:

- черноземы типичные – 53,42 тыс. га (38,6%),
- черноземы обыкновенные – 43,73 тыс. га (31,6%),
- черноземы горные – 16,77 тыс. га (12,1%),
- лугово-черноземные почвы – 4,48 тыс. га (3,2%).

Самыми лучшими почвами республики являются черноземы типичные. Они расположены в лесостепной подзоне и охватывают северную часть КЧР (Прикубанский, Хабезский и Адыге-Хабльский районы). Основными почвообразующими породами почв подзоны являются лесовидные тяжелые суглинки с высокой карбонатностью. Типичные черноземы характеризуются большой мощностью перегнойных горизонтов, отличаются интенсивной гумусовой окраской.

Обыкновенные черноземы относятся к почвам высокого потенциального плодородия, хотя уступают в этом отношении черноземам типичным. Обыкновенные черноземы преобладают в основном на пашне Адыге-Хабльского района – 21,18 тыс. га (72,4%) и пашне Прикубанского района – 14,4 тыс. га (31,6%) [1]. При большой мощности гумусового слоя, для обыкновенного чернозема характерно относительно невысокое содержание гумуса, благодаря чему они относятся к мало и среднегумусным.

Горные черноземы залегают в районах с высотными отметками над уровнем моря от 1000 до 1500 м:

- в Урупском районе – 2,6 тыс. га пашни (100%)
- в Усть-Джегутинском – 4,1 тыс. га (34,95%)
- в Зеленчукском районе – 5,0 тыс. га (25,2%)
- в Малокарачаевском районе – 1,5 тыс. га (22,9%)

Особенностью горных черноземов являются укороченность почвенного профиля, большая гумусированность, сильная скелетность глубоких горизонтов, ровный рельеф, обилие осадков, которые выступают причинами интенсивной эрозии почв.

В КЧР достаточно большие площади подвержены водной и ветровой эрозии. В равнинной части, где осуществлена значительная распашка земель и сконцентрированы основные посевы сельхозкультур образуется пояс повышенной активности ветра («Армавирский коридор»), который пересекает равнинную часть республики с востока на запад. В период, когда почва еще открыта от устойчивой растительности, с поверхностного слоя пашни в «коридоре ветра» почва выдувается продолжительными и сильными ветрами до 10 см. Особенно подвержены подтоплению площади пашни Прикубанского района, в зоне Кубанского водохранилища и Соленого озера. Другой проблемой в настоящее время является подтопление почвы из-за подъема уровня грунтовых вод (после создания крупного водохранилища). В результате чего происходит заболачивание и засоление почвы, снижение продуктивности пашни, лугов,

лесов. Значительному увеличению подтопленных площадей способствует большое количество осадков.

В КЧР около 9 тыс. га являются интерзональными почвами, сформированными на солонцеватых комплексах и требующие гипсования. Более 12 тыс. га пахотных земель являются засоленными и около 7 тыс. га земель заболочены. Более 66 тыс. га или 35% от всей площади пахотных земель подвержены эрозийным процессам разной степени интенсивности.

Отрицательный баланс гумуса отмечается фактически во всех районах и хозяйствах республики, в то время, как его уменьшение даже на 0,1% сопровождается снижением урожайности до 1,2 центнера условных зерновых единиц.

Средневзвешенное содержание гумуса в почвах республики составляет 4,6%. Наибольшее содержание гумуса наблюдается в Прикубанском районе (4,9%), наименьшее – в Усть-Джегутинском (4,1 %) и Хабезском районах (4,3 %).

Значительная часть посевной площади сосредоточена в Прикубанском районе (по зерну, сахарной свекле и подсолнечнику) (45,1 тыс. га), Адыге-Хабльском районе (подсолнечнику и зерну) (24,2 тыс. га) и Хабезском районе (по овощам, картофелю и подсолнечнику) (24,8 тыс. га) [3]. В Зеленчукском районе находятся в основном площади под картофель и овощи.

Высокая урожайность зерна наблюдается в Прикубанском (50,2ц/га) и Усть-Джегутинском (47,5 ц/га), сахарной свеклы в Ногайском (618,3 ц/га) и Абазинском (521,6 ц/га), подсолнечника – в Усть-Джегутинском (18,5 ц/га) и Прикубанском (16,7 ц/га), по картофелю – в Малокарачаевском (148,5 ц/га) и по овощам – в Хабезском (163,5 ц/га) районах [4].

Вследствие влияния рассмотренных выше факторов, Прикубанский район отличается от других максимальным валовым сбором зерновых и сахарной свеклы, Зеленчукский – сбором картофеля, Хабезский – сбором овощей, Адыге-Хабльский – сбором подсолнечника.

Анализ состояния почвенного плодородия в КЧР позволил сделать вывод, что имеет место: крупномасштабная деградация и потеря сельскохозяйственных угодий, обесструктурирование, переуплотнение, почвоутомление в результате использования почв при низком поступлении источников гумуса (органических удобрений и послеуборочных остатков), уменьшение содержания в почве питательных веществ и гумуса, повышение кислотности и другие разрушительные атрибуты аграрной политики. Наблюдается тенденция снижения общего плодородия даже в достаточно благополучных районах и зонах, обладающие высокоплодородными почвами, однако, значительная производственная нагрузка на плодородные земли способствует обвальному сокращению высокоплодородных почв. Это является сдерживающим фактором развития сельского хозяйства в условиях многоукладной экономики.

Применение минеральных удобрений варьируется по зонам, районам и хозяйствам и применяется в меньшем объеме, чем по нормативам, а органические удобрения, ввиду, проблем в животноводстве вовсе не используются. Проблема дефицита микроэлементов в почве отражается на результатах в растениеводстве и на здоровье населения.

Внесение почти в 2 раза большего количества минеральных удобрений под посевы в сельскохозяйственных организациях КЧР (в 2015 году - внесено 266 кг против 136 кг в 2014 году на 1 гектар всей посевной площади) (см. табл.1), привели к расходу капитальных почвенных резервов, увеличению затрат в увеличение искусственного

плодородия, снижению «экологического порога» и падению экономического плодородия, но не было достигнуто эффекта от их внесения, то есть, не выявлен рост валового сбора сельскохозяйственных культур.

Таблица 1

Внесение минеральных удобрений под посевы в сельскохозяйственных организациях

Показатели	Годы					Абсолют. изменения (+,-)		Темп роста,%
	2011	2012	2013	2014	2015	2014/ 2010	2014/ 2013	2014/ 2013
Внесено минеральных удобрений всего, тыс. т	3,4	3,6	3,7	5,2	9,1	+5,7	+3,9	175,0
на один гектар, кг: всей посевной площади	85,0	88,0	97,0	136,0	266,0	+181	+130	195,6
из нее: зерновых культур (без кукурузы)	85,0	103,0	80,0	105,0	173,4	+88,4	+68,4	165,1
кукурузы на зерно	197,0	148,0	353,0	393,0	341,8	+144,8	-51,2	87,0
сахарной свеклы (фабричной)	29,0	24,0	15,0	84,0	654,5	+625,5	+570,5	779,2
подсолнечника	408,0	-	-	-	222,8	-185,2	+222,8	-
овощей	94,0	190,0	102,0	183,0	183,0	+89	0	100,0
картофеля	51,0	68,0	16,0	52,0	52,1	+1	+0,1	100,0
кормовых культур	52,2	69,6	51,8	61,2	61	+8,8	-0,2	99,7
Удельный вес удобрений минеральными удобрениями площади во всей посевной площади, %	52,2	69,6	51,8	61,2	69,5	17,3	8,3	113,6

Таблица составлена и рассчитана автором

Одним из направлений восстановления плодородия сельскохозяйственных земель и агроландшафтов является использование навоза в качестве органического удобрения. Однако, использование навоза экономически эффективно только для сельхозугодий расположенных близко к животноводческим фермам. При его транспортировке на дальние участки полученная от органики прибавка не покрывает затраты на транспортировку удобрений. На удаленных участках замену навозу могут дать сидераты, возделывание которых позволяет полностью заменить внесение органических удобрений.

Сохранение и восстановление плодородия сельскохозяйственных земель и агроландшафтов предлагается за счет: возврата в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых сельскохозяйственных угодий; сохранения и восстановления плодородных свойств почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов; создания материально-технической базы для использования новейших интенсивных технологий производства сельскохозяйственных культур; сокращения выбытия земель из сельскохозяйственного оборота от водной и ветровой эрозии; наращивания и качественного улучшения гидромелиоративного фонда; агрохимической мелиорации земель [5].

В республиканской целевой программе «Развитие сельского хозяйства Карачаево-Черкесской Республики до 2020 года» для сохранения и восстановления плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения заложены мероприятия с учетом уровня использования сельскохозяйственных угодий, состояния плодородия почв, агроландшафтов, финансовых возможностей, которые представлены в табл. 2. Однако, в условиях глубокого экономического кризиса реализовать программные мероприятия будет весьма сложно из-за отсутствия должного финансирования.

Таблица 2

*Программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель
сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов в КЧР»*

№ п/п	Показатель (индикатор), наименование	Ед. изм.	Значение показателей				
			2016г.	2017г.	2018г.	2019г.	2020г.
1	Предотвращение выбытия из сельскохозяйственного оборота сельскохозяйственных угодий	тыс. га	16,0	18,0	18,0	18,0	18,0
2	Ввод в эксплуатацию мелиорируемых земель, всего	тыс. га	0,352	0,116	0,120	0,122	0,124
3	Реконструкция и восстановление оросительных систем	тыс. га	0,352	0,116	0,120	0,122	0,124
4	Защита земель от водной эрозии, затопления и подтопления	тыс. га	1,3	1,4	1,3	1,4	1,4
5	Защита и сохранение сельскохозяйственных угодий от ветровой эрозии и опустынивания	тыс. га	13,0	14,0	14,5	14,5	15,0
6	Проведение:						
	агрохимического обследования	тыс. га	96,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	эколого-токсикологического обследования	тыс. га	21,0	21,0	21,2	21,2	21,4
7	Внесение:						
	минеральных удобрений	тыс. т. д.в.	4,9	5,3	5,4	5,5	5,6
	органических удобрений	тыс. т. д.в.	1,0	1,5	1,6	1,6	1,7
8	Посевная площадь, обработанная пестицидами (сахарная свекла)	тыс.га	4,9	12,1	12,2	12,3	12,4
9	Уменьшение степени кислотности почв путем проведения:						
	известкования	тыс.га	0,5	3,5	3,6	3,6	3,7
10	Уменьшение степени кислотности почв путем проведения:						
	гипсования	тыс.га	0,1	2,1	2,2	2,2	2,2

Решением задач по повышению качества почвы является внедрение новых технологий, постоянное, а не периодическое проведение агрохимического обследования, более детальный мониторинг состояния почвы каждого сельскохозяйственного объекта. В результате чего снизятся экологические риски, а при инвестировании появится больше возможностей для рационального и бережного распоряжения посевной площадью.

1. Акбашева, А.А. Исследование динамики посевной площади / А.А. Акбашева, И.Ш. Дзахмишева // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд». Часть 2. – Новосибирск, 2010. – С. 109-113
2. Акбашева, А.А. Природно-климатические и экономические условия хозяйствования как составляющие для оценки эффективности развития растениеводческого подкомплекса АПК КЧР / А.А. Акбашева // Проблемы современной экономики. V Международная научно-практическая конференция. Новосибирск, 2011. – С. 26-29
3. Акбашева, А.А. Тенденции и перспективы развития Карачаево-Черкесской Республики / А.А. Акбашева // Актуальные проблемы социально-экономического развития региона: тенденции и перспективы. Научно-практическая конференция в КЧФ МФПУ. Черкесск, 2012. – С.51-64.
4. Акбашева, А.А. Формирование механизма устойчивого развития растениеводческого подкомплекса АПК: монография / А.А. Акбашева, И.Ш. Дзахмишева – Нальчик.: Принт Центр, 2013.
5. Акбашева, А.А. Повышение эффективности функционирования растениеводческого подкомплекса АПК: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. - Нальчик. 2016. – С. 168-173.

Ермакова Г.А.

Обеспечение эффективности использования интеллектуального капитала на основе взаимодействия организаций, осуществляющих научные исследования, разработки и обрабатывающих производств, сельского хозяйства

*Северо-Кавказский федеральный университет
(Россия, Ставрополь)*

doi 10.18411/scc-30-09-2017-03

idsp 000001:scc-30-09-2017-03

Аннотация

В исследовании с позиции достижения эффективности использования интеллектуального капитала обоснована необходимость взаимодействия организаций, осуществляющих научные исследования, разработки, обрабатывающих производств, сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства как реализации одной из задач национальной Стратегии инновационного развития.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, научные исследования, разработки, обрабатывающие производства, сельское хозяйство

Abstract

In the study from a position of achievement of efficient use of intellectual capital the necessity of interaction between organizations engaged in research, development, manufacturing, agriculture, hunting and forestry as the implementation one of the objectives of the national Strategy of innovative development.

Key words: intellectual capital, research, development, manufacturing, agriculture

Эффективное использование интеллектуального капитала достигается за счет взаимодействия бизнеса и науки, посредством которого проявляется синергетический эффект, что отражено в одной из задач Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. (Стратегия – 2020) (Распоряжение Правительства РФ от 8.12.2011 г. №2227-р) – реализация мер усиления уровня сотрудничества между бизнесом, наукой, обществом.

Институциональное изучение организаций, осуществляющих научные исследования и разработки по организационно-правовым формам в 2016 г. (таблица 1) показывает, что наибольшее их количество сосредоточено в некоммерческих унитарных организациях – 49,2 %, далее следуют организационно-правовые формы организаций без прав юридического лица – 36,7 % и, к сожалению, только 3-ю позицию с существенным отрывом занимают коммерческие корпоративные организации – 8,1 %, представленные АО, ООО, что обосновывает необходимость их тесного взаимодействия с коммерческим сектором.

Таблица 1

Распределение количества организаций, осуществляющих научные исследования и разработки по организационно-правовым формам в 2016 г.

Организации осущ. научные исследования и разработки	ед.	%
Всего, в т. ч.	49	100
Коммерческие корпоративные организации – 8,1 %		
АО	3	6,1
ООО	1	2,0
Коммерческие унитарные организации – 2 %		
Унит. предпр-я, основ. на праве хозяйств. ведения	1	2,0
Некоммерческие корпоративные организации – 4 %		
Обществ. организ-и	1	2,0
Ассоциации	1	2,0
Некоммерческие унитарные организации – 49,2 %		

Учрежд-я, созд-е РФ	14	28,6
Учреждения, созд-е субъектом РФ	2	4,1
Частн. учрежд-я	8	16,5
Без прав юридического лица – 36,7 %		
Фил. юрид. лиц	17	34,7
Обособл. подразд-я юрид. лиц	1	2,0

Источник: расчет автора по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю

Рассматривая организации, осуществляющие научные исследования и разработки, в составе прибыльных / убыточных коммерческих корпоративных организаций (таблица 2), необходимо отметить, что доля прибыльных незначительно превышает показатели только в образовании и добыче полезных ископаемых, но существенно ниже региональных. Хорошие показатели имеют организации оптовой и розничной торговли и др., операций с недвижимым имуществом, арендой и предоставление услуг, строительства, обрабатывающих производств, сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства.

Таблица 2

Определение прибыльных / убыточных организаций, осуществляющих научные исследования и разработки в общем числе коммерческих корпоративных организаций в сравнении с организациями иных видов экономической деятельности

Виды экономической деятельности	Годы									
	2012	2013	2014	2015	2016	2012	2013	2014	2015	2016
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Доля прибыльных комм. корпор. организаций в общем их числе, %					Доля убыточных комм. корпор. организаций в общем их числе, %				
Всего по региону	14,2	33,5	35,2	39,2	29,5	4,0	9,6	10,5	12,0	12,4
Научные исследования и разработки	0,03				0,2	0,01				0,1
Ранжирование видов экономической деятельности по прибыльности										
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотр. ср-в, мот., быт. изд. и предм. личн. польз.	7,3	13,3	13,9	15,5	11,5	1,8	3,3	3,5	3,5	3,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,07	6,1	6,6	7,3	5,5	0,39	2,1	2,4	2,5	2,8
Строительство	1,2	3,6	3,9	4,3	3,3	0,4	1,0	1,2	2,5	1,5
Обрабатывающие производства	1,4	3,5	3,4	3,9	3,2	0,5	1,0	1,1	1,1	1,4
Транспорт и связь	0,5	1,5	1,6	1,9	1,4	0,2	0,5	0,6	0,5	0,8
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,3	1,9	1,9	2,1	1,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,1	0,8	0,9	1,1	1,1	0,03	0,3	0,3	0,4	0,5

Гостиницы и рестораны	0,7	1,4	1,4	1,5	0,9	0,2	0,5	0,55	0,5	0,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,2	0,7	0,7	0,8	0,6	0,08	0,3	0,3	0,3	0,3
Финансовая деятельность	0,1	0,4	0,4	0,4	0,3	0,04	0,09	0,1	0,1	0,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,04	0,06	0,07	0,06	0,07
Добыча полезных ископаемых	0,04	0,1	0,1	0,1	0,07	0,03	0,05	0,06	0,07	0,08
Рыболовство, рыбоводство	0,04	0,07	0,08	0,08	0,05	0,01	0,01	0,01	0,02	0,02
Образование	0,01	0,05	0,04	0,07	0,03	0,002	0,02	0,02	0,03	0,02
Госуд. управл. и обесп. военной безоп.; соц. страх.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Источник: расчет автора по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю

Роль организаций, осуществляющих научные исследования и разработки (таблица 3) в формировании чистой прибыли / убытка коммерческих корпоративных организаций незначительна – 0,3 %. Определяющую роль занимают организации сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, обрабатывающих производств, оптовой и розничной торговли и др.

Исходя из того, что прибыль – движущая сила капитала [1], определяет возможности организации к акцептованию риска и / возрастанию капитала для организаций, осуществляющие научные исследования и разработки с позиции взаимодействия представляют интерес организации обрабатывающих производств и сельского хозяйства. Считается, что чем выше прибыльность производственной деятельности, тем большую доходность создают активы, а организация компенсирует дополнительную потребность в капитале за счет более высокого уровня капитализации полученной прибыли [2,3].

Итак, обоснована необходимость взаимодействия организаций, осуществляющих научные исследования, разработки и обрабатывающих производств, сельского хозяйства с позиции достижения прибыльности.

Таблица 3

Определение роли организаций, осуществляющих научные исследования и разработки в формировании чистой прибыли / убытка коммерческих корпоративных организаций

Годы	Чистая прибыль (убыток), всего, в т. ч.:		Научные исследования и разработки		Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	
	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %
1	2	3	4	5	6	7
2012	13972947	100	65551	0,4	8530470	61,0

2016	36814886	100	115982	0,3	17904060	48,6
	Рыболовство, рыбоводство		Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства	
	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %
2012	19359	0,1	54102	0,4	6364867	45,6
2016	7250	0,02	4905700	13,3	27297061	74,1
	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды		Строительство		Оптовая и розничная торговля; ремонт автотр. ср-в, мот., быт. изд. и предм. личн. польз.	
	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %
2012	-7784131	- 55,7	432504	3,1	5245617	37,5
2016	-28973728	- 78,7	1335426	3,6	7489905	20,3
	Гостиницы и рестораны		Транспорт и связь		Финансовая деятельность	
	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %
2012	188798	1,4	-175357	- 1,3	-234655	- 1,7
2016	174478	0,5	-338360	- 0,9	175611	0,5
	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг		Госуд. управл. и обесп. военной безоп.; соц. страх.		Образование	
	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %
2012	1000715	7,2	0	0	1275	0,01
2016	5441069	14,8	0	0	3901	0,01
	Здравоохранение и предоставление социальных услуг		Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг			
	тыс. руб.	стр-ра, %	тыс. руб.	стр-ра, %		
2012	237856	1,7	25976	0,2		
2016	1175239	3,2	101292	0,3		

Источник: расчет автора

1. Маркс, К. Капитал. Т.1 / К. Маркс. – М. : Издательство политической литературы, 1969.
2. Мануйленко, В. В. Развитие инноваций в системе финансового менеджмента коммерческих организаций: монография / В. В. Мануйленко, А. А. Мищенко. – М.: Перо, 2016. – 255 с.
3. Мануйленко, В. В. Совершенствование методики оценки достаточности собственных средств (капитала) коммерческого банка : монография / В. В. Мануйленко, А. В. Малеева. – Ставрополь : ГОУ ВПО «СевКавГТУ», 2006. – 209 с.

Локтионова М.А.

Оценка прибыльных и убыточных коммерческих корпоративных организаций с позиции формирования их финансового потенциала

*Филиал ФГБОУ ВО «Московский технологический университет» в г. Ставрополе
«Филиал МИРЭА»
(Россия, Ставрополь)*

doi 10.18411/scc-30-09-2017-04

idsp 000001:scc-30-09-2017-04

Совокупность корпоративных финансовых систем объединенных единой целью - развития финансового состояния организаций способствует формированию финансового потенциала в регионе в целом, а эффективно привлекаемые ресурсы увеличивают его.

Величина финансового потенциала является параметром, позволяющим региону оценить возможности его финансовой деятельности [1].

Итак, чем эффективней используются ресурсы, тем выше финансовый потенциал региона, тем сильнее проявляется синергетический эффект.

В качестве объекта исследования выбран Ставропольский край, оценивающий развитие экономической деятельности организаций.

Состав и структура доходов субъектов и входящих в него организаций, во многом определяются финансовым положением организаций расположенных на той или иной территории, и, в первую очередь массой создаваемых первичных доходов - прибылью. Финансовые результаты деятельности организаций являются отражением состояния и использования финансового потенциала региона.

Основу структуры ООО региона составляют оптовая и розничная торговля в 2010 -2016гг. , 45,0% - 41,1 %, в общем объёме приходится высокий удельный вес и на обрабатывающие отрасли 2010 - 2016гг. 11,27% - 10,2%, строительство 10,4% - 12,4%, транспорт и связь 4,2% - 4,9%, гостиницы и рестораны 4,5% - 3,8%, сельское хозяйство 2,9% - 3,2%, операции с недвижимым имуществом аренда и предоставление услуг 16,2% - 17,1% (Таблица 1).

Таблица 1

Институциональное описание ООО региона по видам экономической деятельности (на примере Ставропольского края)

Годы	Всего ООО		Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
2010	30366	100	845	2,9	108	0,3	3373	11,27
2011	30429	100	840	2,7	109	0,3	3412	11,2
2012	31086	100	944	3,0	108	0,3	3439	11,1
2013	32214	100	984	3,0	111	0,3	3479	10,8
2014	33319	100	1058	3,2	116	0,3	3538	10,6
2015	34599	100	1085	3,1	130	0,4	3648	10,5
2016	34055	100	1092	3,2	126	0,4	3518	10,2
	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды		Строительство		Оптовая и розничная торговля; ремонт автотр., бытовых изделий и др.		Гостиницы и рестораны	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
2010	97	0,3	3157	10,4	13762	45,0	1357	4,5
2011	106	0,3	3215	10,7	13436	44,3	1340	4,4
2012	123	0,4	3463	11,1	13321	42,8	1353	4,3
2013	125	0,4	3750	11,6	13573	42,1	1367	4,2
2014	131	0,4	3996	12,0	13874	41,6	1393	4,2
2015	132	0,4	4239	12,2	14332	41,4	1391	4,0
2016	137	0,4	4240	12,4	13998	41,1	1307	3,8
	Транспорт и связь		Финансовая деятельность		Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг		Здравоохранение и предоставление социальных услуг	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
2010	1236	4,2	260	0,8	4917	16,2	478	1,6
2011	1286	4,2	285	0,9	5083	16,7	526	1,7
2012	1349	4,3	321	1,0	5258	16,9	610	1,9
2013	1487	4,6	355	1,1	5452	16,9	693	2,1
2014	1601	4,8	373	1,1	5639	16,9	759	2,3
2015	1687	4,9	387	1,1	5871	16,9	829	2,4
2016	1697	4,9	369	1,0	5828	17,1	892	2,6

В акционерных обществах региона, значимая доля объема схожа по своему составу с обществом ограниченной ответственности, обрабатывающие отрасли занимают лидирующие позиции, оптовая и розничная торговля стоит на втором месте, необходимо отметить, что все значимые показатели ПАО и НАО на протяжении семи

лет в отличии от ООО региона, снижались, что свидетельствуют о низкой экономической эффективности Ставропольского края, лишь сельское хозяйство в НАО региона осталось на прежнем уровне 2010-2016гг. 81% - 81% (Таблица 2) [2].

Таблица 2

Институциональное описание АО региона по видам экономической деятельности (на примере Ставропольского края)

Годы	Всего АО		Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства	
	ед.	%	ед.	%	%	ед.	%	ед.
2010	1569	100	130	8,3	9	0,6	331	21,1
2011	1449	100	124	8,5	9	0,6	304	21,0
2012	1361	100	121	8,9	8	0,6	282	20,7
2013	1288	100	122	9,4	9	0,7	260	20,2
2014	1221	100	118	9,6	10	0,8	248	20,3
2015	1134	100	116	10,2	6	0,5	229	20,3
2016	1010	100	105	10,4	6	0,6	205	20,3
	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды		Строительство		Оптовая и розничная торговля; ремонт автотр., бытовых изделий и др.		Гостиницы и рестораны	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
2010	62	3,9	194	12,3	353	22,5	21	1,3
2011	61	4,5	181	12,5	308	21,2	20	1,4
2012	60	4,4	175	12,8	266	19,5	21	1,5
2013	59	4,6	166	12,9	241	18,7	21	1,6
2014	58	4,7	152	12,4	231	18,9	20	1,6
2015	52	4,6	142	12,5	215	18,9	18	1,6
2016	57	5,6	125	12,4	178	17,6	18	1,8
	Транспорт и связь		Финансовая деятельность		Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг		Здравоохранение и предоставление социальных услуг	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
2010	123	7,8	33	2,1	272	17,3	18	1,1
2011	119	8,2	31	2,1	252	17,4	17	1,2
2012	115	8,4	23	1,7	252	18,5	7	0,5
2013	108	8,4	20	1,5	247	19,2	13	1,0
2014	106	8,9	19	1,5	227	18,6	13	1,1
2015	100	8,8	17	1,5	208	18,4	13	1,1
2016	91	9,0	15	1,5	182	18,0	13	1,3

Удельный вес производственных кооперативов региона весьма незначителен, сельское хозяйство с 2010 года по 2016 год сократилось, 274-198, однако структура исследуемого показателя в 2016г. составила 80,8%, что означает, остальные показатели в совокупности составляют лишь 19,2% (Таблица 3).

Таблица 3

Институциональное описание производственных кооперативов по видам экономической деятельности (на примере Ставропольского края)

Годы	Всего крестьянских ферм. хозяйств		Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства	
	ед.	%	ед.	%	%	ед.	%	ед.
2010	358	100	274	76,5	0	0	21	5,9
2011	321	100	249	77,6	0	0	17	5,3
2012	301	100	244	81,1	0	0	17	5,7

2013	292	100	238	81,5	0	0	15	5,2
2014	276	100	223	80,8	0	0	13	4,7
2015	268	100	216	80,6	0	0	13	4,9
2016	245	100	198	80,8	0	0	11	4,5
	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды		Строительство		Оптовая и розничная торговля; ремонт автотр., бытовых изделий и др.		Гостиницы и рестораны	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
2010	1	0,3	15	4,2	20	5,6	1	0,3
2011	1	0,3	13	4,0	16	5,0	1	0,3
2012	1	0,3	12	4,0	9	3,0	0	0
2013	1	0,3	12	4,1	9	3,1	0	0
2014	1	0,4	12	4,3	8	2,9	0	0
2015	1	0,4	12	4,5	8	2,9	0	0
2016	1	0,4	12	4,9	7	3,0	0	0
	Транспорт и связь		Финансовая деятельность		Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг		Здравоохранение и предоставление социальных услуг	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
2010	4	1,1	0	0	10	2,8	1	0,3
2011	4	1,2	0	0	8	2,6	1	0,3
2012	3	1,0	0	0	5	1,7	1	0,3
2013	2	0,8	0	0	5	1,7	1	0,3
2014	2	0,7	0	0	7	2,5	1	0,4
2015	2	0,7	0	0	6	2,2	1	0,4
2016	2	0,8	0	0	5	2,0	1	0,4

В целом финансовое положение корпоративных организаций Ставропольского края в 2010-2016гг. характеризуется повышением числа рентабельности производства, сокращением числа убыточных организаций сельского хозяйства 4,4 – 2,1% , увеличением числа финансовых ресурсов для стабильной деятельности хозяйствующих субъектов [3].

Несомненным лидером из всех представленных организаций является общество с ограниченной ответственностью. Представим на рисунке 1 динамику финансового потенциала ООО со значимыми показателями.

Рисунок 1 - Оценка финансового потенциала развивающихся отраслей ООО

Доминирующее положение всех хозяйствующих субъектов исследуемого региона свидетельствует о эффективном использовании финансовых ресурсов, изучении финансовых стратегий вероятных конкурентов, их экономических,

финансовых возможностей, разработке и осуществлению мероприятий по обеспечению финансовой устойчивости.

Эффективное использование финансового потенциала напрямую зависит от эффективности исполнения регионального бюджета, который предназначен для финансового обеспечения задач и функций региона[4].

1. Баранов В.В. Финансовый менеджмент. Механизмы финансового управления предприятием в традиционных и наукоемких отраслях. Учеб. пособие / В.В. Баранов. – М.: Дело, 2012. – 387 с.
2. Гиляровская, Л. Т. Анализ и оценка финансовой устойчивости коммерческой организации: учебное пособие для студентов вузов / Л. Т. Гиляровская, А. В. Ендовицкая. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 159 с.
3. Локтионова М.А./ Характеристика общих и специальных методов оценки финансового потенциала организации: достоинства и недостатки/ По результатам XX Международной научно-практической конференции «Экономика и юриспруденция: теория и практика», Санкт-Петербург, 19 мая 2017г.
4. Управление прибылью в акционерных обществах региона: теория и практика /Мануйленко В.В., Садовская Т.А.// Москва, 2014. Том Книга 1

Andreeva T.A.

The Application of Mechanisms of Public-private Partnership in the Arctic Zone of Russian Federation

*Saint-Petersburg State Marine Technical University
(Russia, Saint-Petersburg)*

doi 10.18411/scc-30-09-2017-05

idsp 000001:scc-30-09-2017-05

The Arctic is a unique geopolitical region that contacts with America, Europe, Asia, the Atlantic and Pacific Ocean, a region with a large territory, with the lowest population density on Earth and large strategic reserves of minerals.

The region concentrates in itself most of the unique and large hydrocarbon fields discovered in Russia. The Russian shelf plays a key role in maintaining world oil production. This is an important reserve for the growth of mineral and raw materials base of hydrocarbons for long-term perspective. The production of hydrocarbons here will play an important role in the energy balance of Russia, being necessary to replace the decline in production in existing fields and maintain the country's condition of growing domestic and external demand for oil and gas.

For the qualitative development of the hydrocarbon potential, it is necessary to form production centers located in the areas where the largest oil and gas fields are located, with the creation of the necessary infrastructure ensuring uninterrupted extraction, processing and transportation of raw materials and products of processing.

Among the main directions of economic activities in the Arctic, one can single out the extraction of hydrocarbons and the development of the Northern Sea Route (NSR). The bulk of hydrocarbon fields discovered on the Arctic shelf has extremely high development costs and requires the creation of unique technologies on a global scale which carries significant environmental risks. The internal development of the region should become the basis for creating the logistics potential of the NSR. It is necessary to turn the NSR into a full-fledged transport artery, through which cargo ships will go round the year and regularly. Revitalization of activities in these areas will provide demand for marine equipment capable of operating in extreme climatic and ice conditions. Navigation, hydro meteorological, telecommunication, rescue and repair technologies and will ensure the development of port infrastructure.

To realize the existing resource potential, social and economic development of remote Arctic regions, it is necessary to use the mechanism of public-private partnership in which the

state will undertake initial geological exploration and infrastructure development, and detailed geological exploration and construction of mining complexes will be undertaken by businesses. Joint development of the mineral and raw potential of the shelf and land of the Arctic zone will create a synergetic effect, minimize infrastructure costs and increase the profitability of the implementation of relevant projects.

It is possible to single out the following priority tasks in the Arctic:

1. Ensuring the transport connectivity of Russian regions, largely determined by the clear functioning of the Northern Sea Route;
2. Effective and rational use of the region's natural resources;
3. Ensuring national security, maintaining the defence capability in the Arctic, maintaining the ecological balance of natural systems, resulting in social and economic well-being of the population;
4. Gaining Russia's geopolitical leadership in the Arctic region.

The ensuring of a successful solution of these problems can only be a planned work of the state in interaction with business structures. Creation of a successful management model on the basis of public-private partnerships becomes a test of the current system of public administration for readiness to work with integrated megaprojects.

The main specificity of the region is the imposition of climatic conditions on the complexity of the delivery of equipment and performance of work. Thus it is necessary to carefully plan logistics operations to mobilize equipment, personnel and supply construction materials and everything necessary for work and life during 6-8 months. In order to undertake Arctic projects, companies need to have trained specialists and their own equipment.

The main requirements of the Arctic is a strict policy for safeguarding activities, quality control of the performance of all construction and installation works.

Rosneft and Gazprom have carried out a huge amount of work on the Arctic shelf. But all the information about the exploration of the fields, run by Gazprom and Rosneft remains in these companies, and academic institutions and universities do not have access to it. The high costs of providing economic activity in the Arctic require concentration of all resources. It is important not to allow monopolization of this activity by a small number of corporations. The level of monopolization of activities in the Arctic should be reduced. It is necessary to pursue a state policy to attract all interested Russian companies, including small and medium-sized businesses, and scientific institutes to Arctic projects. The Arctic should become a region favourable for the use of innovative technologies and cultivation of domestic technology companies.

The evolution of Arctic in the short term should not be only major projects, but also a developed innovation-oriented environment, based in its development on small and medium-sized businesses in a variety of economic areas. In new flexible approaches to international cooperation, we need to talk about the modernization of certain subsystems of public administration, the development of new forms of close interaction between government and business, and the real support of small and medium-sized innovative companies. In the social sphere, it is important to attract and retain significant human resources: local workers, and those who moved from other regions of Russia. It is necessary to seek, develop and implement technologies that minimize damage to the environment to an acceptable level. It can not be avoided at all, but it is quite possible to reduce it, as well as to take measures to restore the nature of the North. A significant increase in forces and resources is required to intensify the monitoring of climate change and the state of permafrost soils of the Arctic zone.

The implementation of projects in the Arctic requires long-term and coordinated solutions and measures with much greater attention to the consideration of multiplicative regional effects. The development of resources requires the timely creation of new technologies and the active development of innovative processes. The most important condition for the sustainable development of the Arctic zone of Russian Federation is the creation of an institutional framework for the implementation of Arctic policy with the

participation of the state, business, science, civil society structures on the basis of mutual responsibility and the introduction of civil legal bases in relations between the state and nature users. It is necessary to develop forms of public-private partnership, ensure transparency of property relations, stimulate the private sector to efficient use of natural resources, environmentally responsible behavior and preservation of the environment.

Arctic projects require significant costs and calculation of long-term results. Therefore, strategic planning is becoming especially important for the Arctic, not tied to the short-term conjuncture of economic cycles. It is necessary to give serious attention to the exploration of reserves, create a reliable infrastructure for ensuring economic activity using the mechanisms of public-private partnership.

The increasing dependence of the world economy on energy resources is pushing the country to actively develop new strategies to promote its interests. The role of public-private partnership in this regard can not be overestimated. Overcoming the heterogeneity of the economic space of the Arctic region is possible through the implementation of mega-projects with the participation of the state and business at various levels. The most important condition for successful interaction between state and private structures is harmonization of conflicting interests in the development of Arctic deposits.

Thus, the wide use of public-private partnership mechanisms in the Arctic zone of Russian Federation will ensure sustainable development of the region in the long term, as well as contributing to the development of the country's economy.

1. Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015 (as amended on July 3, 2016) "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (amended and supplemented ., effective from 01/01/2017) .- 2015.
2. Strategy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period until 2020 [Electronic resource] .- 2013.- Access mode: <http://www.government.ru/docs/22846>.
3. Cherepovitsyn A.E. Social and economic potential of large-scale oil and gas offshore development projects: risks and expectations of stakeholders / Notes of the Mining Institute T.215. - SPb., 2015.
4. Valinsky, Interview with the head of Norilsk O.G. The Kuril Islands need well-thought-out solutions / A.Valinsky // The Parliamentary Newspaper. - 06/14/2016. - Access mode: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=bde1f7fb-42ed-4990-bbf1-9a3fccf73053&print=1>.
5. Dudin M.N. National priorities in the sphere of institutional and innovative subsoil use of the Arctic territories / National interests: priorities and security 8 (293) .-- 2015.
6. Pytkin AN, Balandin DA The main investment risks of subsoil use in the Arctic region / Russian Entrepreneurship No. 6 (228). - March 2013
7. Aseev AL, Afanasyev VP, Bogoyavlensky VI and others. A special report to the International Forum of Technological Development "Technoprom-2016". - Novosibirsk 2016.

Kirizleyeva A.S.

The problems of adequacy of banking institutions establishment and development in Russia and Ukraine: comparative aspect

*SEIHPE «DonAUiGS»
(Ukraine, Donetsk)*

doi 10.18411/scc-30-09-2017-06

idsp 000001:scc-30-09-2017-06

Abstract

Successful promotion of the countries in the hierarchy of economic development has divided all the countries into the clubs – developed, developing and third world, which illustrates the irregularity of the countries' development. This trend of irregular development affect, naturally, the state of all the components of the financial market, including the state and functioning of banking institutions of different countries.

The author analyses the functioning of banking institutions in Russia and Ukraine, as the level of their development influences the production, investment, financial and social processes of the state.

Keywords: banking institutions, financial markets, asset and liability management

Аннотация

Успешное продвижение государств в иерархии экономического развития привело к делению стран мира на клубы – развитые, развивающиеся и третий мир, что по существу иллюстрирует неравномерность развития стран. Эта тенденция неравномерного развития влияет, естественно, и на состояние всех составляющих финансового рынка, в том числе на состояние и функционирование банковских институтов разных стран.

Автором проводится анализ и исследование проблем функционирования банковских институтов в России и Украине, поскольку степень их развития влияет на обеспечении производственных, инвестиционных, финансовых и социальных процессов страны.

Ключевые слова: банковские институты, финансовые рынки, управление пассивами и активами банка

In the conditions of the development of processes of the world financial system globalization the developed and developing countries set the strategic tasks of the modernization of financial institutes and instruments of the financial market – credit, currency, securities etc. The economies of the developed countries are competitive and provide their economic independence. The developed financial markets provide more liquidity for the market participants than small markets with a small number of participants and financial instruments and, thus, limited trading opportunities.

Because of the exacerbation of the crisis in the world economy the number of countries that cannot ensure the fully developed financial markets is rising. This crisis has led to the number of regulatory changes on the international banking sector. The ongoing changes and their speed are one of the most significant reforms in the current banking history.

Non-organized financial market of the country, unstable banking sector cannot qualitatively raise the liquidity of banking institutions, create the conditions for the development of financial products of commercial banks.

In Russia and Ukraine, the countries with developing economies, in the situation of economic crisis and instability of the banking system, there is the deposit outflow, at that the credits are made much more: the policy of the banking business is counterproductive, the asset and liabilities management is inefficient, which lead to banks losing their reliability. Today in such banks the service of their clients is discontinued and the accounts are frozen. This paralyses the work of these banks until the central bank of the state makes the final decision to discontinue the activity of the bank of the financial market or to adopt the recovery scheme. The bank's clients cannot receive their assets during this period. On the one hand, it helps strengthen the banking system of the country. On the other hand, it creates the population distrust of the banks stability and money outflow from commercial banks, which discredits their solvency.

Analyzing the labour market in Russia and Ukraine and the number of employees in the banking system during the past decade one can notice the trend of the rising of the indices under analysis in the periods of economic stability and development, and on the contrary in 2009 – during the financial crisis – the outflow of workers. In Ukraine the stable increase of employment in the banking sector was noticed only from 2005 to 2008. In 2009-2010 the financial crisis significantly influenced the banking sector and all its indices and led to the decrease in the number of bank workers (2008 – 394.9 th. people, 2010 – 332.8 th. people, 2011 – a small-scale increase – 350.6 th. people). After the increase in the banking sector

employment in 2011, which made 350.6 th.people, from 2012 to 2015 there is a dramatic and significant drop in employment in the banks of Ukraine, which made only 243.6 th.people in 2015. It can be accounted for by a dramatic closing of commercial banks in Ukraine. At that in the banking sector of Russia during the whole analysed period the increase is marked, and this index in 2015 was 72323.6 th.people.

Tables 1 and 2 present the interrelation of the balance sheet of the banking sectors of Russia and Ukraine for 2007-2016, which reflect the opportunities for the activity of banks, direction of their deposits, scale and opportunities of which depend on the volume and quality of the formed resources, reflected in the liabilities of a modern bank [1-6].

Table 1

Interrelation of the balance sheet of the banking sector of Ukraine (in %)

Year	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
credits/assets	78,4	80,9	79,8	75,2	73,1	66	66,3	69,6	64,22	59,4
deposits/assets	53,2	46,9	46,5	50,3	53,2	56,5	58,6	56,6	62,2	69,1
securities/assets	3,8	3,7	4	8,4	7,9	8,1	10,4	12,4	15,7	26,1
credits/deposits	147,2	172,3	171,3	149,3	137,5	116,8	113,2	122,9	103,1	85,9

The biggest percentage in banks' liabilities is presented by the attracted funds of the bank's clients to the current and deposit accounts (50% - 70%).

At that it should be mentioned that there is a stable trend to form the bank recourse base mostly at the expense of attraction of idle funds of private individuals. Thus, for example, in Ukraine in 2007 - 163 482 mlnUAH, 2014 - 416 371mlnUAH, and in 2016 - 437 152 mlnUAH, out of which period funds, i.e. money on deposit accounts, make up the major share of funds compared with the funds on current accounts (both in 2007 and 2014 - 77%): in 2007 - 125 625 mln UAH, in 2014 - 319 121 mln UAH, i.e. almost three times more. The funds of business entities attracted to current and deposit accounts of banks grew 3.3 times from 2007 to 2016. While the funds of clients-private individuals are mostly on deposits, legal entities have the funds almost evenly divided between saving them on deposit accounts to get income and having the funds on current accounts to conduct their business activity, which is only natural.

In Russia even during the years of economic crisis the balance sheet total increased. The major part of the banks liabilities is clients' funds: 56% in 2007, 57% in 2016, at that the absolute difference between these years made 37 751 100 mlnrub., almost in 4.08 times.

Table 2

Interrelation of the balance sheet of the banking sector of Russia (in %)

Year	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
credits/assets	71	71,2	67,5	65,6	69	68,7	70,6	67,1	69,3	69,5
deposits/assets	60,9	52,6	58,2	62,4	62,7	60,8	60,8	56,4	62,5	62,5
securities/assets	11,2	8,4	14,6	17,2	14,9	14,2	13,6	12,5	14,2	14,3
credits/deposits	116,6	135,2	116	105,2	110,2	112,9	116	118,9	110,8	11,2

The capital base of banks is the capital of the bank and traditionally made 12% in 2007 and 2016, which is mostly made of authorized capital stock. It is necessary to notice that there is a negative trend of decrease of the capital base due to losses in the banks' activity in Ukraine during 2009-2011 and in 2014-2016 this result became much worse, which has continued since then. The losses of Ukrainian banks made 81 933mlnrub in 2009, in 2010 - 27 758 mlnrub, 2011 - 16 424 mlnrub, in 2014 - 172 372 mlnrub, 2015 - 154 593 mlnrub, in 2016 - 341 248 mlnrub.

The analysis of the dynamics and structure of the asset of commercial banks of Russia and Ukraine during 2007 – 2016 shows the formation of nondiversifiable asset portfolio and significantly increases the risks of banking activity [1 - 6].

Practically all capital base, attracted funds and deposits by customers are allocated for crediting corporate customers and less private individuals. In Ukraine crediting corporate customers made 276 184mln UAH in 2007, private individuals – 153 633 mln UAH, and in 2014 it was 802 582mln UAH and 179 040mln UAH correspondingly. In Russia the volumes of crediting business entities and population doubled: in 2008 - 6 299 671.54 mlnrub., 2014 - 17 871 525.25 mln rub. Crediting of corporate customers was 6 171 612mln rub in 2009, private individuals – 1 028 313.7mlnrub., and in 2014 it was 13 024 689.2mln rub. and 433 722.1mln rub. correspondingly. In all countries commercial banks direct their funds to credit corporate customers – major enterprises, which minimizes the banking risk, ensures more stable long-term profit and a more probable return of the crediting resources.

In Russia and Ukraine the banks direct their capital base on loans for various types of activities: ‘wholesale and retail trade, repair of automobiles, motorcycles, personal appliances’ (in Ukraine in 2009 this index was 35.10% and in 2016 – 33.73%, in Russia it was 24.61 and 22.20% correspondingly).

During the analyzed period the banks of Russia and Ukraine financed ‘agriculture, hunting and forestry’ within the limits of 7-8%. Not significant resources were sent to finance mining industry, building, gas, water and service sector.

The banks of Russia and Ukraine lack the long-term stable resources to finance long-term profitable projects. Therefore, the banks mostly provide short-term credits.

It should be noted that at the asset and loan portfolio increase during 2005-2016, the quality of the loan portfolio is decreasing: the share of non-performing loans is twice more, the level of non-performing loans in Russia is not decreasing (tables 3, 4).

From 2005 to 2009 the non-performing loans were at different levels, but made up significant share – 15-23% - of the loan portfolio. In 2005 the index was much higher 60%, as the banks provided loans during the crisis when they had to limit crediting. The same trend can be seen nowadays, therefore in 2016 the share of non-performing loans made 53% and in 2015 - 48% of the loan portfolio.

Table 3

Dynamics of non-performing loans indices in Ukraine (in %)

Year	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Share of non-performing loans in the general loans volume	13,7	15,27	14,73	16,54	12,89	18,98	28,03	30,47
Rate of growth of provided loans	-6,20	0,96	8,85	-3,47	13,88	8,09	-11,19	-6,96
Rate of growth of non-performing loans	244,54	14,09	4,91	34,03	-9,63	63,10	45,76	10,25

The analysis also shows that in Russia and Ukraine commercial banks provide credits faster than they form more stable resources base in the form of deposits, and in the banks of the developed countries credit operations are proportional to attraction of the clients’ time deposits.

Table 4

Dynamics of non-performing loans indices in Russia (in %)

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Доля проблемных кредитов в общем объеме кредитов	9,5	8,2	6,6	6	6	6,7	8,3	9,4
Темп роста объема выданных кредитов	-0,31	11,51	29,64	18,29	19,25	28,57	10,35	-3,29
Темп роста проблемных кредитов	136,44	6,12	12,18	12,95	12,03	37,2	47	2,48

Banking institutions increase assets to receive the highest profit. This profit covers banking risks.

But in Ukraine there is an opposite, negative situation. Despite the fact that in all years, except 2009, the banks increase assets, i.e. active bank operations grow to receive profit, the banks show losses in their financial accounts and their result for the state budget is negative for many years (for example, 2009 – 81 933 mln rub, 2014 – 172 372 mln rub, 2016 – 341 248 mln rub) or insignificant on income tax assessment (for example, 2011 – 1 211.97 mln UAH, 2012 – 379.31mln UAH, 2013 – 1 629.73 mln UAH).

We should complete the above analysis by the data on the profit of banks of Russia during the past 12 years: in 2005 it made 262 100 mln rub., in 2006 – 371 500, 2007 – 508 000, 2008 – 409 200, 2009 – 205 100, 2010 – 573 400, 2011 – 848 200, 2012 – 1 011 900, 2013 – 993 600, 2014 – 589 100, 2015 – 192 000, 2016 – 929 700mln rub. We can notice a positive trend: the banks of Russia contribute significantly to the economy of the country, showing yearly the financial result – profit in banks' balance sheets and remitting profit tax. There was no loss in any balance sheets, except the fact that in 2010 due to economic crisis the banks showed less profit.

Existing today in many countries with the developing economy the problem of limited information and absence of financial transparency means that the information is not available for the market members, therefore the risks can be higher than in the countries with the developed financial systems. Moreover, it is more difficult to form the diversified assets portfolio of the banks on a small market with the limited choice of financial assets, savings and investment products. On the financial market with a not significant trading activity and alternatives it can be more difficult and expensive to find the right product and risk portfolio to meet the demands of the credit users and credit providers, investors and emitters.

During the research there were marked out problems of the development of banking activity in the countries with the developing economies, particularly with the reduction of demand and supply of financial services, low level of assets portfolio diversification, and limited use of various sources of formation of long-term, stable and cheap resources. Other problems were with insignificant contribution of the banking institutions in the formation of the revenue of the country; not justified, aggressive policy of management of asset and liability of the banks worsened the quality of the credit portfolio due to non-acquittance of credit users debts and final financial result – significant losses and loss of reliability for most banks.

Thus, to conduct efficient policy of strengthening of the banking system it is necessary to both carry out serious changes in legislative base and pursue the moves towards the formation by the banks of balanced and efficient policy of managing assets and liabilities, providing transparent and truthful information about real results of their activity, about efficient control of the use of optimization schemes of reflecting the results of the banks' activity.

1. Review of the banking sector of the Russian Federation 2014. – Available at: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf
2. Review of the banking sector of the Russian Federation 2015. – Available at: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf
3. National bank of Ukraine. Consolidated financial statements for the year that finished December, 31, 2014. – Available at: <http://www.bank.gov.ua/doccatalog/document?id=16817988>
4. Review of the banking sector of the Russian Federation. Analytical indices. – Available at: http://kurscbr.ru/analytics/bank_system/obs_1307.pdf
5. Review of the banking sector of the Russian Federation. Analytical indices. – Available at: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf
6. Financial statements of NBU. – Available at: http://www.bank.gov.ua/control/uk/publish/category?cat_id=12063884

Pshikhachev S.M., Pshikhacheva J.S.
Russian rural development strategy and structural challenges

KBSAU
(Russia, Nalchik)

doi 10.18411/scc-30-09-2017-07
idsp 000001:scc-30-09-2017-07

Abstract

The article considers the attributive relationship of the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation and ecologically and economically balanced rural development. The priorities of program documents, agrarian policy and balanced rural development, the systemic nature of their interrelations and interdependencies in the context of the need to ensure Russia's food security and import substitution are underlined.

Keywords: the Strategy; rural development; agrarian policy and agrarian reform; food security; import substitution

Аннотация

В статье рассмотрена атрибутивная взаимосвязь Стратегии научно-технологического развития РФ и эколого-экономически сбалансированного сельского развития. Подчеркнуты приоритеты программных документов, аграрной политики и сбалансированного сельского развития, системность их взаимосвязей и взаимозависимостей в условиях необходимости обеспечения продовольственной безопасности РФ и импортозамещения.

Ключевые слова: стратегия, сельское развитие, аграрная политика и аграрная реформа, продовольственная безопасность, импортозамещение

Specificity of the current stage of rural development is a great diversity of program documents, both federal and regional. At the same time, the distinct outlines of the consonance of such documents as the state program for the development of agriculture for the period 2013-2020, the Strategy for the Sustainable Development of Rural Territories for the period up to 2030, with the adopted Strategy for scientific and technological development of the Russian Federation for the period up to 2030, . Only in this systemic perception can we count on solving the problems of transferring the agrarian sector to an intensive science-intensive path, creating a highly integrated agribusiness of an intersectional type that was formed with a clear conformity and balance of all its elements, given the high level of development of industrial and economic ties against the background of the priority development of the national innovation system , Meeting the aspirations of peasants who are farming on land.

In other words, these are the priority links of the interconnected chain of formation of a highly effective agro-food system of the Russian Federation and regions directly related to the general economic paradigm of the development of the Russian Federation. Let us cite in this connection the fateful fundamental conclusions and reasoned statements of a number of well-known specialists. Professor S.S. Gubanov, having critically examined the approaches of the neo-liberals, quite vividly concludes: "Let's put it bluntly: ignoring social realities, fundamental laws and laws of modern development completely depreciates all and any strategies and programs. Meanwhile, the turning point experienced by our country assumes an exceptionally responsible system choice - the choice of a progressive social and economic system that opens up scope for the speediest neo-industrial upsurge of Russia "[1, p. 9].

This thesis should be supplemented by the categorical judgment of the well-known economist Ivan Nikolayevich Buzdalov, who argues that the continuing technical, economic and socioeconomic backwardness of Russia's agriculture is directly related to structural

disorder in the ratio of the main factors of production, and also to a serious decline in the quality of the agricultural production potential. So, since 1990, due to the open deindustrialization of the agrarian production of Russia, the fleet of agricultural machinery has been reduced many times: tractors - 5 times, combine harvesters - almost 6 times, maize harvesters - 12 times, milking plants - 9 times, thereby even more Strengthening the gaping gap between the developed economies in agrarian relations. If in the developed countries where the modernization of the agrarian sector is over, there has been a steady decline in the load of arable land per tractor during the same period, and under the US normative figure 73 hectares amounted to the same, in England - 13, Germany - 11, then in Russia It increased from 95 to 270 hectares. The identical ratio is formed on the sown areas for 1 combine harvester. According to the application of fertilizers per unit area, Russia lags behind by an order of magnitude, which further aggravates the problems of restoring soil fertility [2, p. 4].

The imperativeness of the highly important problems raised is undeniable. They have to be decided after, because the science-intensive and ecologically-economically balanced dynamic development of the agro-industrial complex of Russia is unthinkable without the transition to a qualitatively new development paradigm. Regarding the Russian national innovation system, which makes it possible to form a highly integrated agro-food complex of the country, the Strategy adopted by the Decree of the President of Russia of December 1, 2016 (the day VV Putin sent a message to the Federal Assembly) should play a significant role. In fact, this document is intended to become a fateful one, determining the concrete ways, mechanism, instruments for the implementation of the scientific and technological development of the Russian economy, including the agrarian and industrial complex of the Russian Federation.

So, the President of Russia V.V. Putin In his address to the Federal Assembly of December 1, 2016, he informed me that on the same day, President Decree No. 642 of December 1, 2016 On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation was adopted, which defines the purpose and main tasks Scientific and technological development of the Russian Federation, establishes the principles, priorities, main directions and measures for implementing state policy in this area, the expected results for ensuring a stable, dynamic and balanced development of Russia for a long-term period. The legal framework for implementing this Strategy has been accentuated, first of all, this concerns the federal law of June 28, 2014 "On strategic planning in the Russian Federation", as well as a number of other laws and regulations. The quintessence of this document is the urgent need to transform science and technology into a key factor in the development of Russia and ensure the country's ability to respond effectively to great challenges. Moreover, in the next 10 to 15 years, the priorities of scientific and technological development of the Russian Federation are considered to be those areas that will allow to obtain scientific and scientific and technical results and create technologies that are the basis for innovative development of the domestic market of products and services, Russia's stable position in the external market, and Will provide:

- a) transition to advanced digital, intelligent production technologies, robotic systems;
- b) the transition to environmentally friendly and resource-saving energy, increasing the efficiency of extraction, processing and conservation of energy;
- c) transition to personalized high-tech medicine;
- d) the transition to a highly productive and environmentally friendly agro- and aquaculture, the development and implementation of systems for the rational use of chemical and biological protection products for agricultural plants and animals, the storage and efficient processing of agricultural products, the creation of safe and quality food products;
- e) counteracting technogenic, biogenic, sociocultural threats, terrorism and ideological extremism;
- f) the connection of the territory of the Russian Federation through the creation of efficient transport and logistics systems;

g) the possibility of an effective response of Russian society to major challenges, taking into account the interaction of man and nature, man and technology, social institutions at the current stage of global development.

The strategy as an epoch-making program document is designed to ensure the sustainable development of Russia, based on structural changes that are imperative, involving overcoming negative trends, effective restructuring of both the corporate and public sectors of research, development and innovation, and requires at the same time a faster increase in R&D relative to GDP and approaching their level to the indicators of developed countries. [4]

Effective implementation of this document in Russia's agriculture is possible only against the background of a priority solution to the imperative problems of development and overcoming the existing disproportion. So, the socio-economic results of the transformation of Russia's agrarian economy over the past two decades are the subject of tough both scientific and political discussions. At the same time, much attention is paid to problems related to: the persisting disparity in the interbranch exchange of the agrarian sector with other sectors of the economy of the country, the lack of motivation of economic entities on the ground, as well as the difficulties of competitive market functioning of the agro-food system, curtailment of real agricultural production and unreality in providing extended reproduction, against the background of a typical permanent state of a low-cost, loss-making operation and a hopeless the availability of business entities; Negative consequences of the total deindustrialization of the agrarian sector of the country, in the conditions of washing out of domestic machine systems in agriculture with the focal prosperity of foreign systems of machines and complexes, when only the field or location of the cattle-breeding complex remains Russian; The general de-ecologization of the agrarian sphere, manifested in the destruction of the country's agro-meliorative system, increasing the disparity between the transfer of nutrients from the fields and their re-creation through reclamation measures, oblivion of the earlier developed systems, with widespread disregard for ecologically compatible farming systems and others; large-scale discontinuity in the continuity of cadres in the countryside, the degradation of the earlier existing technical schools for the training of personnel for agricultural production, as well as the rupture of the earlier existing production and economic within and inter-branch relations (horizontal and vertical) in the agrifood system of Russia that provided both biodiversification and multifunctional development Agro-industrial regional systems.

Critical analysis of burning problems occurs, as a rule, bearing in mind the insufficient size of state support for Russia's agrarian sector, the unresolved land relations, the need to strengthen the ecological and social components of the state's agrarian policy, as is customary in developed countries, which in itself is indisputably topical. At the same time, the analysis of the main aspects of the state agrarian policy in indissoluble connection with the type of development could in many ways clarify the vitality of the agrarian policy and really place the accents in view of the urgency and significance of certain measures.

Even in his Address to the Federal Assembly of December 4, 2014, President of the Russian Federation V.V. Putin stressed: "Russia now has to fight for its sovereignty. If for a number of European countries national pride is a long-forgotten concept, and sovereignty is too much luxury, then for Russia real state sovereignty is an absolutely necessary condition for its existence "[4].

It is said about the priority of agrarian state policy as providing in the conditions of strictly limited resources of national food security and sustainable rural development; On the urgency of developing partnerships with well-known leaders and locomotives of global economic development within the framework of the Eurasian Economic Union effective from January 1, 2015, having such basic principles as equality, pragmatism, mutual respect; Preservation of national identity and state sovereignty of all participating countries, bearing in mind the synchronous use of these key principles, ensuring close cooperation as a powerful factor in the development of the countries participating in the Eurasian Union.

The strategic course on the fact that Russia will be open for peace, cooperation, attracting foreign investment, implementing joint projects is clearly confirmed in the President's Address, while emphasizing that our development depends primarily on ourselves. The time ahead is difficult, tense, and much depends on each of us at our workplace. The so-called sanctions and external restrictions are an incentive for more effective, accelerated achievement of the set goals.

Speaking about the short results of the agrarian policy of Russia and the state reform of the country's agriculture, which, in our opinion, is practically consonant, since agrarian policy is a purposeful activity of the state, limited by resources, budget and time, designed to ensure food independence and security of the country; And agrarian reform - as state measures for the transformation of agrarian relations, forms of land use and land tenure; In fact, at this stage carry an equivalent load; We will try to emphasize some imperative signs one way or another, affecting the vector of sustainable rural development. The logic of economic restructuring in many countries shows that at the initial stage, the priority development of the agricultural sector, as a rule, has a positive multiplicative effect on other sectors of the economy. There are numerous evidences for this: the growth of agrarian production precedes the industrial revolutions that swept through the countries of the temperate climatic belt, beginning from England in the middle of the eighteenth century and ending with Japan at the end of the 19th century. In the past two decades, agricultural growth in China, India and Vietnam has preceded the rise in other sectors, as well as the economy as a whole. In the case of Russia, unfortunately, this cannot be said, because the whole course of the past two decades demonstrates the palliative nature of the agrarian policy measures, and the results are not very effective, which results in the collapse of the old system in the early 1990s and half the measures taken in subsequent stages of reforming until 2006.

The textual essence of the agrarian reform of Russia is a radical change in the entire system of agrarian relations, including ownership of land and other means of production, the management system, the social conditions of life in the countryside, the formation of a market mechanism, the transformation of interindustry horizontal and vertical agro-industrial systems, the provision of state regulation And support of the agricultural sector. As the experience of solving Russia's agrarian problems over the last two decades shows, a systemic creative transformation, where the peasant's interest is at the center of attention, was not achieved.

Recalling that agrarian reform is an event that is complex and subtle, the implementation of which requires remembering the old principle: do not do harm to something unreasonable, Academician AA. Nikonov in the book *The spiral of the centuries-old drama: the agrarian science and politics of Russia (the eighteenth and twentieth centuries)*, the ultimate goals of Russia's agrarian reform were defined as follows:

"First, the final emancipation of the peasant, the social transformation of the village in order to improve the living standards of people, improve the quality of life, taking into account the satisfaction of both material and spiritual needs of the peasants. Since the peasantry was physically oppressed and killed for a long time, its spiritual values and traditions were desecrated, it was regarded as a dark mass and reactionary force, the village was devastated and plundered in all possible ways, then it will take a lot of time, effort and money to revive it. But without the physical, cultural and spiritual revival of the countryside and the peasantry, it is impossible to revive society, the nation and the state - here and below we emphasized S.P. ...

Secondly, the creation of a stable food economy that provides both the domestic needs of the country with the necessary reserves, and certain funds for export-import operations. It is about the country's food independence, of course, for those types of products that can be produced in the natural and climatic conditions of the Russian Federation. First of all, it is grain, potatoes, vegetables and fruits, vegetable oil, milk, meat, eggs, fish ... The generally

accepted threshold of food imports, the transition of which is considered dangerous for the country, should not exceed 10-15% of the total mass.

Third, the formation of an effective agro-industrial complex of the country, which produces competitive products for the market, both in terms of its quality and costs. The market is ruthless, and it's much harder to work for it than simply delivering any raw materials from above. In the real market there is a fierce struggle for the consumer. The latter buys high quality products, well preserved, in modern packaging and at affordable prices. Consequently, we must reduce costs, increase labor productivity, and economically expend raw materials and energy. The market mercilessly displaces manufacturers of bad products. The farms that produce goods with high labor and funds ...

Fourth, restoration and maintenance of ecological balance. This problem can become extremely acute in the foreseeable future. It is born, above all, incompetence and mismanagement, a thoughtless attitude to nature, to the whole world around us, the pursuit of immediate benefits, without regard for the interests of future generations. Reform affects the environment by eliminating impersonality, by increasing personal responsibility for land use and the results of its activities. All agro-industrial production should be ecologically safe, nature-conservative "[5, p. 441]

Synthesizing the stated ultimate goals of Russia's agrarian reform, let us say that Russia's agrarian policy should be realized as a priority on the paths of clear cultivation of an innovative type of development, the implementation of imperative paradigms of sustainable rural development, which is a true alternative to half-measures and technocratic overlaps, designed to gradually bring Russia to materialize above mentioned from the monumental work of A.A. Nikonov's strategic guidelines on the solution of social, economic and environmental problems of the countryside and the peasantry, and the reliable provision of food security for the country.

Agrarian reform is a long evolutionary process, with an indispensable condition - the freedom of choice by the peasant, both forms of ownership, and methods and systems of management, hence the need for multi-structure, guarantees of real property to people working on the land. At the same time, it is necessary to address such crucial issues related to the dynamic implementation of the agrarian reform, such as fair taxation, stimulating production, price parity with related industries, access to credit and preferential interest, the organization of sales, processing and marketing of products, the provision and provision of necessary resources, Institutional formation, providing scientific, technological, educational provision of the agrarian sphere. In other words, a systemic solution of all the fundamental issues, connected both with logistical, innovation-technological, and innovative-institutional aspects is urgently needed.

Regarding the organizational and economic aspects of the implementation of the radical agrarian reform, the interrelationship of power structures and economic entities on the ground, vertical hierarchical interdependence, direct and inverse ties, stressed very clearly A.A. Nikonov: "... Reform is a two-way road. Usually it begins on the initiative from above, is directed by the "tops". But nothing will happen if it is not understood and accepted by the "lower classes" if its goals and methods are contrary to the interests of the "lower classes". Therefore, the roles should be distributed as follows: the "tops" provide legal, economic; social guarantees and carry out organizational work. "Bottoms" also understand, support new relations and act accordingly. It is important not only to have good laws, but also to overcome legal nihilism, to ensure the implementation of laws. They themselves must proceed from the real need, and not be the fruit of transactions and compromises of political forces, usually suffering from ambitiousness "[5, p. 442]

The course of reforms in the 1990's and 2000's demonstrated, right up to the adoption of the federal law of December 29, 2006, No. 264 "On the development of agriculture", that agrarian policy was not effective precisely because of the unresolved nature of these core issues. Several times spontaneously before the adoption of this law, the Priority National

Project "Development of the AIC" was adopted, along with other well-known projects, which undoubtedly brought some revival and reminded about the priorities of the country's agrarian sector in 2006 and 2007. Nevertheless, despite all the criticism of this document by specialists, the adoption of the above-mentioned federal law that defined the mechanism of state support and the contours of modern agrarian policy, as well as the State Program for the Development of Agriculture and the Markets of Agricultural Products, Raw Materials and Food for 2008 -2012 is still the corresponding watershed, which went down in history under-fulfilled, and the State Program for the period 2013-2020, essentially defining a new stage of Russia's agrarian policy, claiming to bring the scientific background encourage in matters of state regulation of agriculture - an attempt of system solutions imperatively urgent complex agricultural problems waiting to be solved or a dozen years.

Describing the agrarian sector of the country in the context of the main trends in the development of the Russian economy, we refer to the words of Academician N.P. Fedorenko from his "Appeal to the reader" in the book of prof. V.M. Simchers: "The development of the Russian economy in 100 years. Historical series "[6, p. 5], which became a kind of revelation - a testament, as this became his lifetime publication. He analyzed the progress of Russia in the past century, frankly emphasizing both positive aspects: the elimination of lawlessness and hunger, the increase in the average life expectancy more than doubled, the construction of large industrial facilities of more than 50,000, doubling the yield in agriculture, more than 40 times the increase in labor productivity, growth 160 times the industrial production and more than 80 times the national wealth; Both unresolved problems and negative aspects: the poverty and poverty of the broad masses (now, according to various estimates, from 25 to 45 million people), what was not maintained in the last decades of the 20th century, the achieved heights in the economy, the second on 50-70th places in the world on the most important indicators of social and economic development.

Summarizing the range of questions regarding the future fate of Russia and the Russians, N.P. Fedorenko stressed: "Russia will never achieve the desired progress, relying, each time on the limited forces on which it relies (now on the oligarchs), Russia can count on genuine and lasting progress only with reliance on its entire multinational people, on unity, friendship and mutual support of all strata of society. The wider, sooner it will be done, the better for the country and all its peoples "[6, p. 6] Cautioning about the perniciousness of living in one day, without reckoning and not reinterpreting the past thorny path, not respecting the past, neglecting ancestors, academician Fedorenko emphasizes: "Therefore, it is necessary to live and move differently. To live and move must be more exacting, rethinking the past, separating the good from the bad in it, overcoming it, and not building up its rubble, reforming it, but without destroying the created one, more and more, without losing it in the future.

For a country like ours, where there is much more for every land, water, mineral, forest, and fields (many in this case ten times more) than anywhere else in good places in the world, another choice in There is no future and, it seems, cannot be. The preferential limit of a free and carefree choice of the future has been completely exhausted by our country in the past. With such abundant and powerful natural and human resources, Russia cannot remain hungrier and poorer "[6, p.9]

In the mentioned book prof. Simchera concerning comparative assessments of Russia's agriculture relative to other industries resulting in the past century are noted: "Unlike other sectors of the economy, Russia's agriculture for 100 years, according to the data ..., trampled in the same place, did not receive any noticeable development, but on the organization, conscientiousness and the quality of the conduct of peasant labor, perhaps a multiple deteriorated its position.

With a general almost 20-fold progress in industry and 30-fold progress in construction, and in general more than 8 times the total progress of the country's national wealth over 100 years, Russian agriculture grew by only 35.6%, including production grain -

by 31.0 and meat production by 37.5% (the number of cattle decreased from 30 to 28 million heads, i.e. fell by 6.7%), that with such a large account as it is The calculation of economic growth over 100 years, should not be seen as evidence of any Posted in General advance, but rather only as a result will inevitably appear in such cases statistical errors such accounts "[6, p. 193] To be fair, we should add that over the course of a century, all the epochal reorganizations that took place in the country mainly took place at the merciless exploitation of villages and peasants, be it the industrialization of the country, the rise of virgin land, etc., in which the villagers received public benefits on the residual principle, which, incidentally, has not been overcome for the present.

The search for a new paradigm of development and overcoming the lag in the agrarian economy of Russia is detailed in one of the author's scientific publications [7, p. 52-62], we only summarize here that the main starting methodological attitude is considered to be the establishment of an innovative system of the agrarian sphere that meets the requirements of effective multifunctional rural development, imperatively accelerating the radical transition from costly and technocratic principles that led to serious negative environmental consequences, to resource-saving technologies on the background of an ecologically compatible, socially acceptable, economically motivated agrarian policy of the state.

1. Gubanov S.S. The new-industrial recovery of Russia requires the removal of systemic constraints. // *The Economist*. 2017. No. 4.
2. Buzdalov I.N. Structural distortions in Russian agriculture: causes and consequences. // *APC: Economics, Management*. 2017. № 2.
3. www.Kremlin.ru.
4. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. Accept the challenge and win. *The Russian Newspaper*, December 5, 2014 No. 278 (6550) www.rg.ru
5. Nikonov A.A. A spiral of centuries-old drama: agrarian science and politics of Russia (XVIII-XX centuries). Moscow: *Encyclopedia of Russian Villages*, 1995, p. 441,442.
6. Simchera V.M. Development of the economy of Russia for 100 years. *Historical ranks*. - Moscow: Science, 2006.
7. Pshikhachev S.M. Conceptual directions for the transformation of the paradigm of sustainable development of agriculture. // *National interests: priorities and security*. 2014. No. 44 (281).

РАЗДЕЛ III. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Пучкова В.В., Цергер В.И.

Конституционно-правовое регулирование реализации права граждан на бесплатную медицинскую помощь и оказания платных медицинских услуг

*Смоленский филиал Международного юридического института
(Россия, Смоленск)*

doi 10.18411/scc-30-09-2017-08

idsp 000001:scc-30-09-2017-08

Аннотация

Актуальность темы обусловлена тем вниманием, которое в настоящее время руководством страны обращается на реализацию основополагающих конституционных прав граждан России, связанных с охраной здоровья. Реализация этих прав требует не только финансового, материально-технического, кадрового обеспечения, но и научного обоснования. Цель статьи - проанализировать реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья и оказания медицинской помощи в Российской Федерации на бесплатной и платной основе. Автор делает вывод, что правовая система государства обязана обеспечивать соблюдение норм, регулирующих вопросы реализации прав на охрану здоровья и оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: конституционное право; охрана здоровья; медицинская помощь; программа обязательного медицинского страхования; институт медицинской помощи; платные медицинские услуги.

Annotation

The urgency of the topic is due to the attention that the country's leadership is now turning to the implementation of the fundamental constitutional rights of Russian citizens related to health protection. The realization of these rights requires not only financial, logistical, personnel, but also scientific justification. The purpose of the article is to analyze the implementation of the constitutional right of citizens to protect health and provide medical care in the Russian Federation on a free and paid basis. The author concludes that the legal system of the state is obliged to ensure compliance with the rules governing the implementation of rights to health and medical care.

Keywords: constitutional law; health protection; health care; compulsory medical insurance program; institute of medical aid; paid medical services.

На законодательном уровне четко разграничены понятия «платная медицинская помощь» и «бесплатная медицинская помощь». Медицинская помощь, оказываемая на платной основе, может предоставляться как в полном объеме стандарта оказания медицинской помощи, так и в качестве разовых консультаций, процедур, диагностических исследований и других медицинских услуг. Кроме того, медицинская помощь на платной основе может предоставляться сверх выполняемых стандартов медицинской помощи и порядков оказания медицинской помощи при заболевании, травме или ином патологическом состоянии, только на основании добровольного информированного согласия в соответствии с договором на оказание платных медицинских услуг. На законодательном уровне устанавливается, что бесплатно оказывается скорая медицинская помощь, судебно-медицинская и судебно-

психиатрическая, патологоанатомическое вскрытие трупов пациентов больниц, военно-врачебная экспертиза, а также размещение пациента в маломестной палате[6].

Граждане имеют право на получение платных медицинских услуг, которые могут осуществляться только по желанию самого пациента. Навязывание таких услуг не допускается. Платные медицинские услуги - медицинские услуги, предоставляемые на возмездной основе за счет личных средств граждан, средств юридических лиц и иных средств на основании договоров, в том числе и договоров добровольного медицинского страхования. Сторонами договора по оказанию платных медицинских услуг являются потребитель и исполнитель. В качестве потребителя выступают физические лица, нуждающиеся в медицинской помощи. В качестве исполнителя выступает медицинская организация, имеющая лицензию на оказание конкретных видов медицинской помощи.

Договор об оказании платных медицинских услуг может заключаться в интересах третьего лица, и в этом случае стороной договора оказания платных медицинских услуг является заказчик. Заказчиком является физическое лицо или юридическое лицо, которое заказывает платные медицинские услуги на основании договора в интересах другого лица (пациента)[5].

В соответствии с п.1 ст. 426 ГК РФ договор на платные медицинские услуги является публичным договором. На основании п.1 ст. 779 ГК РФ данный договор является договором возмездного оказания услуг, по которому исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. В сфере оказания платных медицинских услуг медицинская организация по договору обязуется в установленные сроки предоставить медицинскую услугу, а пациент обязуется ее оплатить. Платные медицинские услуги могут также оказываться на основании договоров добровольного медицинского страхования.

При реализации вопросов в сфере добровольного медицинского страхования необходимо руководствоваться гражданским законодательством, а именно, п.1 ст. 934 и п.1 ст. 927 ГК РФ, а также законом Российской Федерации «Об организации страхового дела», так как нового закона, регламентирующего программу добровольного медицинского страхования пока нет[2].

Таким образом, добровольное медицинское страхование осуществляется на основании договора добровольного медицинского страхования, который заключается между страхователем и страховщиком. Данный договор является разновидностью личного страхования.

Медицинские организации предоставляют медицинские услуги на платной основе согласно, перечня услуг, указанных в лицензии на осуществление медицинской деятельности. В лицензии на осуществление медицинской деятельности подробно указывается перечень медицинских услуг (работ), оказываемых в интересах потребителя (пациента). Медицинские организации не вправе оказывать те платные медицинские услуги, которые не отражены в лицензии. Объем, сроки предоставления платных медицинских услуг устанавливаются по соглашению между сторонами договора.

Пациенты, являющиеся потребителями платных медицинских услуг вправе получать полную информацию о состоянии своего здоровья, о результатах обследования, диагнозе, методах лечения, о возможном риске, о последствиях медицинского вмешательства, об ожидаемых результатах лечения и другую информацию касательно применения медицинских препаратов и медицинских изделий. Медицинская организация, которая выступает в качестве исполнителя, обязана

предоставить такую информацию. В случае необходимости проведения дополнительных медицинских услуг, выходящих за рамки исполнения договора, медицинская организация должна предупредить об этом пациента. И только получив его согласие вправе оказывать платные дополнительные медицинские услуги.

При оказании платных дополнительных медицинских услуг по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни пациента, такие услуги оказываются бесплатно на основании Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»[3]. При осуществлении платной медицинской помощи пациенты (потребители платных медицинских услуг) обязаны соблюдать все рекомендации медицинского работника согласно договору. Потребители платных медицинских услуг должны соблюдать режим лечения, при несоблюдении которого может возникнуть ситуация снижения качества оказываемой платной медицинской услуги, либо повлечь невозможность завершения медицинской помощи в срок или отрицательно повлиять на состояние здоровья пациента. Об этом медицинский работник должен проинформировать пациента в письменной форме перед заключением договора.

После заключения договора пациент может в любое время отказаться от дальнейшего предоставления медицинских услуг. При этом договор об оказании платной медицинской помощи расторгается, а пациент должен оплатить исполнителю фактически понесенные им расходы, связанные с исполнением по договору.

Документами, подтверждающими предоставление платных медицинских услуг, являются копии медицинских документов, выписки из медицинских документов, расчетные документы (квитанция на оплату медицинских услуг), которые выдаются пациенту после оказания медицинской помощи на платной основе. Платные медицинские услуги по желанию пациента, могут оказываться сверх выполняемых стандартов медицинской помощи. Дополнительные медицинские услуги могут оказываться в качестве разовых консультаций и медицинского вмешательства.

Во многих странах расходы на стационарное лечение составляют от половины до двух третей всех государственных расходов на медицинскую помощь (в Российской Федерации - более 50%), при этом основными показателями, определяющими расходы, являются госпитализация и продолжительность пребывания в стационаре.

В обзоре, включающем результаты более 300 исследований эффективности оказания стационарной медицинской помощи, был сделан вывод, что в среднем экономическая эффективность больницы составляет 85%. Это означает, что больницы могли бы оказать услуг на 15% больше при тех же самых затратах или оказать тот же объем услуг, снизив затраты на 15%. При этом не было отмечено существенной разницы между больницами США, Европы или других регионов.

Более эффективный механизм оплаты медицинской помощи в условиях стационаров предусматривает ту или иную форму оплаты за законченный случай, например, по методу оплаты случая лечения по группе однородных диагнозов, объединенных в диагностически связанные и клинические статистические группы (DRG/KCG), которые объединяют различные заболевания в однородные по расходам группы с рассчитанной средней стоимостью лечения[7].

При этом в больницы поступает фиксированная оплата за пролеченного больного, независимо от интенсивности лечения или длительности пребывания пациента.

В целях предотвращения риска возможности больницы выписать пациента раньше, чем нужно, а затем повторно госпитализировать, чтобы получить дополнительную плату за новую госпитализацию по тому же поводу, применяется понижающий коэффициент за повторную госпитализацию.

Многие страны и страховые фонды, причем не только в странах с высоким доходом, в целях контроля расходов и создания стимулов для повышения эффективности, используют при финансировании больниц ту или иную форму оплаты за законченный случай. В число этих стран входят Казахстан, Кыргызстан, Таиланд и Турция [8,9,10,11].

Медицинские организации, оказывающие медицинскую помощь в рамках программы бесплатного оказания медицинской помощи и территориальной программы, вправе оказывать пациентам платные медицинские услуги при самостоятельном обращении за получением медицинской помощи. Каждый гражданин имеет право обратиться в любую медицинскую организацию за получением платной медицинской услуги без направления лечащего врача и медицинской организации, в которой оказывается первичная медико-санитарная помощь, уполномоченного органа исполнительной власти субъекта РФ в сфере охраны здоровья. Исключением является оказание скорой медицинской помощи и медицинской помощи по неотложным и экстренным показаниям. Однако, на практике складывается ситуация, когда при необходимости осуществления лечения, устанавливаются такие очереди по записи к профильным врачам, что приходится обращаться в платные медицинские клиники для получения квалифицированной медицинской помощи либо предлагается получить аналогичную медицинскую помощь на платной основе в государственных поликлиниках. Очевидно, поликлиники и медицинские работники сами создают такие ситуации, когда перед пациентами стоит выбор либо ждать своей очереди, либо получить такую помощь платно. Таким образом, предлагается альтернатива получения бесплатной медицинской помощи, включенной в программу обязательного медицинского страхования, за определенную плату. На сегодняшний день в регионах страны существует также проблема нехватки квалифицированных специалистов в области медицины и это несмотря на большое количество профильных направлений. Основным фактором данной проблемы является низкий уровень доходов, в связи с этим врачи идут работать в платные клиники, уезжают из регионов в более крупные города, где оплата труда медицинских работников вдвое выше. Тем самым пациенты регионов остаются без надлежащей квалифицированной медицинской помощи. Анализ сложившейся ситуации в области реализации конституционного права граждан на бесплатное получение медицинской помощи, на практике показывает, что данная норма нарушается.

Кроме того, следует отметить, что в настоящее время введены определенные ограничения относительно предоставления платных медицинских услуг. Например, ч. 3 ст. 80 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» устанавливаются случаи, при которых оказание медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи не подлежат оплате за счет личных средств граждан. Медицинские организации не должны нарушать права граждан на получение как бесплатной, так и платной медицинской помощи. Неправомерные действия медицинских работников, медицинских организаций можно оспорить в судебном порядке.

Таким образом, основным условием обеспечения реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь является правовое государство, где соблюдаются нормы и принципы права всеми его субъектами. В настоящее время на практике можно наблюдать не соблюдение норм закона в сфере охраны здоровья. Для соблюдения правовых норм законов необходимо ужесточать ответственность за несоблюдение и нарушение, принятых законов и нормативных

правовых актов в сфере охраны здоровья и оказания медицинской помощи. Анализ конституционно-правового регулирования права на охрану здоровья и медицинскую помощь показал, что граждане обладают широкими полномочиями для реализации своих прав в сфере охраны здоровья. Однако реализация указанных прав зависит от действий органов государственной власти, должностных лиц организаций, обязанных выполнять свои функции по обеспечению конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // «Российская газета», N 7, 21.01.2009.
2. Гражданский кодекс РФ. Ч.1,2,3 (с изм. и доп. от февраля, 12 августа 1996 г., 24 октября 1997 г., 8 июля, 17 декабря 1999 г., 16 апреля, 15 мая, 26 ноября 2001 г., 21 марта, 14, 26 ноября 2002 г, 10 января, 26 марта, 11 ноября, 23 декабря 2003 г, от 30.11.2011 N 363-ФЗ). // СЗ РФ 1994. №32. Ст.3301. ч.2 от 26 января 1996 г. №14-ФЗ // СЗ РФ. №5. Ст. 410. Ч.3 от 26 ноября 2001 №146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №9. Ст.4552.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" / «РГ» - федеральный выпуск № 5639 23 ноября 2011 г.
4. Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ (ред. от 03.12.2011) "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" / «Российская газета», N 274, 03.12.2010.
5. Мищенко Т.Е. Оплата медицинских услуг (комментарий к ст. 84.ФЗ) [Электронный продукт] / Режим доступа <http://www.finexg.ru/oplata-medicinskix-uslug-kommentarij-ket-84-fz/> Время актуальности: 27.12.2014 г.
6. Руслан Кривобок. Законопроект об охране здоровья граждан призван защищать пациентов [Электронный продукт] / РИА Новости / Режим доступа: strategy2020.rian.ru/Новости/20110919/366147351.html 30.07.2010 г.
7. McDonagh MS, Smith DH, Goddard M. Measuring appropriate use of acute beds. A systematic review of methods and results. Health policy Amsterdam, Netherlands), 2000,53:157-184. doi:10.1016/S0168-8510(00)00117-2 PMID:10996065;
8. Kutzin J et al. Bismarck meets Beveridge on the Silk Road: coordinating funding sources to create a universal health financing system in Kyrgyzstan. Bulletin of the World Health Organization, 2009,87:549-554. doi:10.2471/BLT.07.049544 PMID:19649370;
9. Burduja D. Health services policies and case mix - what would you expect (or not) to happen? Selected findings from Romania and Turkey, 2000-2008. BMC Health Services Research, 2008,8:Suppl 1A5-doi:10.1186/1472-6963-8-S1-A5;
10. Hirunrassamee S, Ratanawijitrasin S. Does your health care depend on how your insurer pays providers? Variation in utilization and outcomes in Thailand. International Journal of Health Care Finance and Economics, 2009,9:153-168. doi:10.1007/s10754-009-9062-6 PMID:19396629;
11. O'Dougherty S et al. Case Based Hospital Payment System. In: Langenbrunner JC, Cashin C, O'Dougherty S, eds. Designing and Implementing Health Care Provider Payment Systems. Washington, DC, The World Bank, 2009.

РАЗДЕЛ IV. ПЕДАГОГИКА

Голованов С.А.¹, Кулькова И.В.², Расулов М.М.³

Фитнес для коррекции здоровья мужчин, болеющих сахарным диабетом, ожирением и гипертонией

¹фитнес клуб премиум класса «Svelte»

²Педагогический институт физической культуры и спорта ГБОУ ВПО МГПУ

³ГНЦ РФ «Государственный научно-исследовательский институт химии и технологии элементоорганических соединений»

doi 10.18411/scc-30-09-2017-09

idsp 000001:scc-30-09-2017-09

Актуальность коррекции состояния больных сахарным диабетом, ожирением и гипертонией вне сомнений. Это и определило цель нашего исследования - разработку и апробацию тренировочной методики для мужчин 35–45 лет в условиях аэробных физических нагрузок, больных сахарным диабетом, ожирением и гипертонией 1А.

Все исследования проводились на базе фитнес клуба премиум класса «Svelte» в Москве. Общий срок наблюдений составлял 6 месяцев в году. Экспериментальная группа мужчин в возрасте 35–45 лет, болеющих диабетом 2 типа, ожирением и гипертонией 1А, состояла из 16 человек.

С помощью аэробных упражнений (прогулок на свежем воздухе (не менее 10 км в день), легкого бега, плавания, занятий на велосипеде, эллипсоиде и т.д.), можно эффективно снизить уровень сахара в крови, даже у больных осложнённым диабетом с многолетним стажем. Научно доказано, что самая эффективная нагрузка для организма мужчин, должна проходить при ЧСС до 130-140 ударов в минуту.

После каждой тренировки был обязательный день отдыха. Подготовительный этап тренировки занимал по времени 15 минут и состоял из двух частей: общая разминка и специальная. Занятие начиналась с разминки на беговой дорожке или велосипеде в зависимости от особенностей и ограничений опорно - двигательного аппарата (ОДА). Затем проходила гимнастика на все мышечные группы в течение 5 мин, для повышения координации движений, подготовки и мобилизации мышечного аппарата, нервной системы, связочного аппарата к предстоящей физической нагрузке.

Основной этап тренировки занимал по времени 45 минут и состоял из двух частей. Первой частью являлась работа на тренажерах с незначительными рабочими весами в течении 25 мин. Второй частью этапа являлось выполнение аэробной нагрузки в течение 20 мин. Она включала в себя работу на кардио-тренажере (беговую дорожку или велосипед) с заданной ЧСС (не более 40% от маха.), выше которой аэробную нагрузку не применяли. Заключительный этап тренировочного занятия – заминка, длившаяся 15 минут и включавшаяся в себя ходьбу на беговой дорожке или велосипеде в зависимости от особенностей ОДА. Выполнялись упражнения на расслабление с глубоким дыханием.

Применение тренировочных занятий в указанных режимах у больных сахарным диабетом 2 типа, сопровождаемым ожирением 1-2 степени и артериальной гипертонией 1А приводит к устойчивому снижению уровня как систолического артериального давления (САД), так и диастолического артериального давления (ДАД), а также количества сахара в крови и снижению количества жира, что видно из таблицы.

Таблица

*Изменения соматического статуса и артериального давления крови у испытуемых
мужчин*

Срок	Безжировая масса (кг)	Масса жира (%)	Уровень сахара (ед.)	САД (мм. рт.ст.)	ДАД (мм. рт.ст.)
начало	54,8± 3,9	38,9± 2,3	11,1±1,4	135,5±5,2	92,2±3,3
конец	55,9±2,9	37,1±2,2	8,1±0,9	128,2±3,5	88,4±3,1

*Примечание: * - $p < 0,05$*

Таким образом, результаты исследования доказывают возможность укрепления здоровья тренирующихся мужчин в возрасте 35–45 лет с наличием сахарного диабета 2 типа и сопутствующими ожирением 1–2 степени и гипертензией 1А. Нами представлены методические рекомендации тренеру, медицинскому работнику и занимающемуся, обеспечивающие комплексную коррекцию здоровья. Полученные при исследовании материалы обогащают теорию и методику адаптивной физической культуры.

РАЗДЕЛ V. ПСИХОЛОГИЯ

Наследов А.Д., Мирошников С.А., Ткачева Л.О.

Маркеры задержки психического развития детей дошкольного возраста

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi 10.18411/scc-30-09-2017-10

idsp 000001:scc-30-09-2017-10

Введение

Исследование и прогноз развития психических функций, в том числе когнитивных, наиболее важны на раннем этапе развития, когда квалифицированная помощь психолога и педагога может существенно изменить потенциальную траекторию развития ребенка. Для прогноза развития используются множество методов наблюдения и тестирования детей, показывающие текущее состояние различных аспектов развития психики, но чем более ранний возраст мы рассматриваем, тем меньше таких методов наблюдения, тем они более узко направлены и, как правило, имеют более низкие психометрические характеристики. Это противоречие обусловлено многими объективными причинами: организационная сложность работы с детьми дошкольного возраста, где требуется индивидуальное обследование и недопустимо длительные сеансы тестирования, особенности развития в этом возрасте, в том числе низкая дифференцированность и высокая изменчивость факторной структуры даже на небольших возрастных диапазонах из-за интенсивного развития всех функций.

В то же время проблема ЗПР в России является все более актуальной, как из-за увеличения количества детей с ЗПР (в том числе в связи с развитием медицины), так и в связи с тенденцией (отчасти родителей, отчасти - специалистов) к откладыванию вмешательства на все более поздний возраст, вплоть до ожидания успешной коррекции в школе. Но ЗПР имеет высокий потенциал реабилитации и адаптации только в раннем дошкольном возрасте, упущенное время увеличивает вероятность смены диагноза на более тяжелую интеллектуальную недостаточность с риском возникновения психических расстройств (Kok et al., 2016).

В литературе выделено множество факторов-маркеров, характеризующих развитие способностей в раннем возрасте. В частности, это моторное развитие (Frick & Mohring, 2013), речевое развитие (Tsao, Liu & Kuhl, 2004), рабочая память (Cowan & Alloway, 2009), внимание (Voelke & Roebbers, 2016), пространственное мышление (Lauer & Lourenco, 2016), механизмы когнитивного контроля (Engel de Abreu, Conway & Gathercole, 2010), социальный интеллект (Wellman et al., 2008). Но вклад этих факторов как предикторов психического развития в сторону нормы или задержки недостаточно изучен.

Цель данного исследования – выявление прогнозных паттернов задержки психического развития у детей дошкольного возраста. Это должны быть группы признаков (наблюдений или тестовых заданий), максимально достоверно указывающих на высокую вероятность наличия диагноза задержки психического развития ребенка в настоящем или высокую вероятность установления такого диагноза в будущем.

Традиционно работы, направленные на исследование факторов в развитии способностей, базируются на классических представлениях о факторной структуре интеллекта, которая априорно задана в самих тестах. Но использование структурированных тестов, в которых несколько типов заданий однозначно формируют соответствующие субтесты и факторы, существенно ограничивает возможности исследования реальной факторной структуры способностей и тем более, выделение

специфических маркеров. Любой подход, основанный, например, на использовании теста Векслера, будет приводить к выделению факторов, соответствующих нескольким сходным типам заданий (субтестам), и различие может заключаться лишь в том, как они связаны с более общими факторами. Это может быть либо собственная факторная структура теста, либо производная от него, например, структура по типу бифакторной модели: общий фактор интеллекта и связанные с ним специфические факторы (Watkins & Beaujean, 2014). В последнем случае общий интеллект *g* выдвигается как первичный, с которым непосредственно связаны факторы, соответствующие отдельным субтестам, и с ними же, с другой стороны, связаны факторы групп субтестов (Reise, 2012). В любом случае полученная таким образом факторная структура неизбежно будет отражать прежде всего структуру теста, и лишь через неё, возможно, структуру исследуемого явления – интеллекта или других аспектов развития ребенка. Именно эта ограниченность и приводит некоторых исследователей к выводу, что жестко структурированные тесты типа Векслера вообще не могут служить для проверки каких-либо научных теорий (Macmann & Barnett, 1994).

Для целей нашего исследования также требовался более широкий и разнообразный набор исходных признаков, допускающий более свободную группировку в факторы. Поэтому мы использовали адаптивную систему формализованных наблюдений и тестовых заданий, представляющую собой большой банк пунктов, предъявляемых в соответствии с возрастом и охватывающих широкий спектр способностей ребенка дошкольного возраста от моторики до социальной адаптации и когнитивных способностей.

Метод

Для сбора данных использовалась методика «Многофакторное исследование развития» в составе программного комплекса Лонгитюд (Иванова А.Е., Мирошников С.А.) Эта методика была разработана в 2001 г. (первоначальное название «Шкала развития») для измерения широкого спектра параметров развития у детей от 2 месяцев до 7 лет (Иванова, Мирошников, 2001).

На разных этапах разработки эта методика проходила проверку содержательной и критериальной валидности, в том числе на близкой к норме популяции и на популяции детей, имеющих диагностированные отклонения в психическом развитии (Miroshnikov, Nasledov, Zashchirinskaia, 2016). По характеру проведения исследования это адаптивный тест, вопросы которого подбираются в зависимости от календарного возраста ребенка и ответов на предыдущие вопросы. На вопросы теста отвечает психолог, работающий с ребенком. Вопросы касаются особенностей поведения ребенка, успешности выполнения некоторых действий в обыденной жизни или в ситуации тестирования. Содержание вопросов является достаточно типичным для тестов развития детей соответствующего возраста, но в то же время очень разнообразным, так как банк заданий и наблюдений формировался на основе опроса большого количества экспертов относительно тех признаков, которые они используют в своей диагностической работе с детьми. Обработка таких разнородных пунктов потребовала разработки специального программного обеспечения, работающего в режиме экспертной системы (ПО «Лонгитюд»). Это же программное обеспечение содержит стимульные материалы, ведет базу данных, строит графики развития ребенка при лонгитюдном исследовании и реализует другие сервисные функции.

В нашем исследовании использовались только сырые данные – ответы по отдельным пунктам, без учета стандартных результатов их обработки на основе нормативных данных. Большинство заданий теста предполагает дихотомический ответ Да/Нет (ребенок может или не может выполнять контрольное действие). Но в некоторых заданиях требовался ввод ответа в числовой форме (например, максимальное количество ударов мячом подряд). При подготовке к анализу данных такие задания расщеплялись на несколько диапазонов ответов, для каждого из которых

определялся дихотомический ответ (нет/смог ударить мячом об пол и поймать его 1/3/6/11 раз подряд). Далее эти ответы обрабатываются также, как и результаты отдельных дихотомических пунктов. По существу такие многоуровневые (недихотомические) задания аналогичны субтестам, сформированным заданиями с нарастающей сложностью. Но использование одного задания с анализом разных уровней его выполнения как отдельных пунктов дает, с одной стороны, более экономичное и менее утомительное тестирование, а с другой стороны, дополнительные возможности для анализа и оценки результатов. Как показал факторный анализ результатов, в ряде случаев возможность выполнения задания «хотя бы в простой форме» и возможность его же выполнения «в очень сложной форме» характеризуют разные аспекты развития ребенка.

Таким образом, «сырым значением» базового пункта исследования (отдельного или в составе сложного задания – «субтеста») является истинность или ложность утверждения о том, что ребенок может выполнять контрольное действие (по результатам наблюдения его поведения в быту и игре, или по результатам просьбы выполнить действие в составе теста). Следующие этапы обработки данных в составе теста включают в себя перевод сырых значений каждого пункта в нормированную оценку по пункту на основе нормативных данных, отражающих зависимость доли популяции, выполняющей контрольное действие, от календарного возраста популяции, с последующим обобщением нормированных оценок по пунктам в соответствующих шкалах. В данном исследовании эти этапы обработки не использовались, проводился только анализ сырых данных.

В результате описанного выше приведения всех ответов к однородному дихотомическому виду исходные данные для анализа включали 847 дихотомических пунктов. Из них в данном исследовании использовались 319 пунктов, отобранных для диагностики 4-летних детей по данным ранее проведенной стандартизации теста. На этапе подготовки данных к статистическому анализу из этих 319 пунктов были исключены те, по которым более 95% составляли ответы одной из двух альтернатив (что исключало их использование в запланированных процедурах анализа). В результате было получено 236 переменных для данной выборки (результаты выполнения отдельных заданий и наблюдения специалистов): 1 – не выполняет, 2 – выполняет.

Заключения о наличии ЗПР были сделаны вне рамок данного исследования, другими специалистами – представителями консультативных центров и комиссий с участием невропатологов, дефектологов, психиатров (1 – Норма, 2 – ЗПР). Сбор данных о развитии детей проводили психологи и специальные педагоги, занятые психолого-педагогическим сопровождением этих детей в обычных и специализированных дошкольных образовательных учреждениях. Набор данных проводился в рамках плановых обследований, после получения письменного разрешения родителей. Всего было обследовано 628 4-летних детей, равномерно представленных в возрастном диапазоне от 1461 до 1827 дней. Из них 575 детей группы Норма и 53 детей группы ЗПР, не различающихся по возрасту.

Статистический анализ собранных данных проводился в следующей последовательности. Сначала был проведен дискриминантный анализ (ДА) для выделения переменных, наилучшим образом предсказывающих принадлежность к одной из 2-х групп (Норма, ЗПР). Далее для выделения шкал по которым различаются группы (Норма, ЗПР) использовался факторный анализ (ФА) этих переменных с последующим вычислением факторов (метод Регрессия). В отношении вычисленных факторов применен ДА для выявления оптимального набора шкал-предикторов для предсказания Диагноза. После этого мы провели проверку надежности каждого из оставшихся фактора-шкалы по согласованности входящих в них пунктов (с факторными нагрузками не менее 0,4) по Альфа Кронбаха. Соответствующие факторам

значения шкал вычислялись как суммы входящих в них пунктов. С применением ДА проведена проверка точности прогноза Диагноза при помощи выделенных шкал и относительного вклада каждой шкалы в прогноз. Также были вычислены корреляции выделенных шкал между собой и с возрастом. Все процедуры статистического анализа были проведены с использованием IBM SPSS version 24 (Наследов, 2013).

Результаты

Посредством дискриминантного анализа было отобрано 56 переменных, наилучшим образом предсказывающих принадлежность к группам Норма и ЗПР. Последующий факторный анализ (ФА) этих переменных позволил выделить 6 факторов, объясняющих 43,25% совокупной дисперсии переменных. 7 из 56 переменных не вошли ни в один из факторов с нагрузкой не менее 0,4 и были удалены. В отношении оставшихся 49 переменных снова применен ФА и выделено 6 факторов. В связи с разнородностью 17 переменных, вошедших в 1-й фактор, они дополнительно факторизованы: выделено 3 фактора. Затем снова применен шаговый ДА, с группирующей переменной Диагноз (1 – Норма, 2 – ЗПР). В качестве независимых переменных выступали факторы 2 – 6 по 49 переменным (F2_49 – F6_49) и субфакторы 1 – 3 по 17 переменным из фактора 1 (F1_17 – F3_17), вычисленные как новые переменные (метод Регрессия). Дополнительно в состав независимых переменных был добавлен Возраст (в днях).

Выявлена комбинация факторов-предикторов, удаление каждого из которых статистически достоверно ухудшает различие классов (p of F to remove < 0,05): F1_17 – F3_17; F2_49 – F4_49; Возраст (в днях). Проведена проверка надежности каждого фактора-шкалы по согласованности входящих в них пунктов (с факторными нагрузками не менее 0,4) по Альфа Кронбаха.

Полученные таким образом факторы и шкалы названы в соответствии с вошедшими в них пунктами с самым большим вкладом: 1) «Тонкая моторика» (F2_49), поскольку 3 первых пункта связаны с действиями, требующими моторной точности и ловкости; 2) «Социальный интеллект» (F3_49) по заданиям, демонстрирующим базовые социальные навыки; 3) «Возрастающий», этот фактор (F4_49) было сложно обозначить одним термином, поскольку он самый гетерогенный по вошедшим в него пунктам. Необходимо отметить, что этот фактор в наибольшей степени коррелирует с возрастом ($r=.728$; $p<.0001$) т.о. он собрал в себя те показатели, которые в наибольшей степени возрастают в данный возрастной период. В результате факторизации 17 переменных, вошедших в фактор F1_49 выделены 3 фактора: 1) «Вербально-понятийное мышление» (F1_17) в соответствии с заданиями требующими проявить общую осведомленность в форме вопрос/ответ; 2) «Пространственное аналитико-синтетическое мышление» (F2_17): по заданиям, требующим уловить логику последовательности изменения размера/узора; 3) «Крупная моторика» (F3_17): по действиям, требующим моторной ловкости в крупно-амплитудных движениях.

Каждая из соответствующих факторам шкал обладает достаточно высокой надежностью по согласованности входящих в них пунктов (альфа .711–.873). После вычисления шкал (соответствующих факторам) как суммы входящих в них пунктов, вычислены описательные статистики для группы Норма и ЗПР и произведено их сравнение по средним для этих шкал. По всем шкалам различия статистически достоверны ($p<.001$). Т.о., эти шкалы можно рассматривать как маркеры психического развития для данной возрастной группы.

Все шкалы коррелируют для всей выборки статистически достоверно: корреляции r от 0,297 до 0,733 ($p < 0,001$). Влияние возраста на шкалы проверялось для всей выборки, и отдельно для групп Норма и ЗПР. Для группы Норма возраст статистически значимо коррелирует со всеми шкалами, а для группы ЗПР – только с двумя. При этом наибольшие различия наблюдаются для гетерогенной шкалы S4_49, включающей рабочую память, внимание и сенсо-моторную координацию: величина

эффекта возраста для группы Норма ($R^2=.646$) почти в 4 раза больше, чем для группы ЗПР ($R^2=.171$).

Наибольший вклад в точность предсказания диагноза (Норма/ЗПР) вносит $s2_49$ «Тонкая моторика» (.513), затем $s3_49$ «Социальный интеллект» (.411) и $s1_17$ «Вербально-понятийное мышление» (.316). Возраст, по которому группы не различаются, тем не менее, вносит существенный вклад в предсказание диагноза. Чувствительность предсказания 97.2% (51 из 53 ЗПР предсказаны верно), специфичность предсказания 96.2% (559 из 575 Нормы предсказаны верно). Для проверки устойчивости предсказания с данным набором предикторов вся выборка была поделена на 2 возрастные группы по медиане возраста (в днях) группы ЗПР: Младшие ($Age < 1677$ дней) и Старшие ($Age > 1677$ дней). Далее был проведен ДА с теми же предикторами, но только для группы Младшие. Наибольший вклад в точность предсказания вносят те же предикторы, что и для всей выборки. Затем модель предсказания, построенная для группы Младшие, использовалась для предсказания диагноза у детей из группы Старшие. Результаты показали, что модель, построенная для группы Младшие обеспечивает чувствительность для этой группы 96.3% и специфичность 97.6%. В то же время, та же модель обеспечивает для группы Старшие чувствительность 100% и специфичность 96.7%. Это свидетельствует о высокой перекрестной валидности данного набора предикторов для предсказания диагноза для разных возрастных групп.

Обсуждение

Наибольшие различия между группами норма и ЗПР были получены по факторам «тонкая моторика», «социальный интеллект» и «вербально-понятийное мышление», при этом, фактор «тонкая моторика» явился самым мощным прогностическим критерием отсутствия/наличия ЗПР.

Роль моторного развития ребенка в первый год жизни считается ведущей и определяющей дальнейший вектор развития. Известно, что в возрасте 3-4 лет у ребенка сохраняется присущее младенческому и раннему детскому возрасту тесное взаимодействие зрительного восприятия и двигательной активности. На этом этапе развития практические манипуляции с объектами являются необходимым фактором зрительного опознания (Farber & Beteleva, 2005). Похожие данные о значимости факторов моторики и вербально-понятийного мышления были получены в исследовании когнитивной сферы 93 детей с ЗПР в возрасте 3,8 лет, где наиболее значимые корреляции с интеллектуальным развитием дали факторы тонкой моторики (fine motor) и вербальности (expressive language), в то время как фактор когнитивного функционирования (cognitive performance) оказался изолированным (Riou et al., 2009).

Полученные данные о роли социального интеллекта как маркера ЗПР в возрасте 4 лет уникальны для данного возрастного диапазона, но вполне закономерны. Известно, что для детей с ЗПР характерно замедление темпов созревания фронтальной коры (Moriguchi & Hiraki, 2013), в то время как для нормально развивающихся детей дошкольный возраст является революционным в созревании префронтальной коры и подготовке мозга к решению различных когнитивных задач (Tsuji moto, 2008). На сегодняшний день не вызывает сомнений роль префронтальной коры в обеспечении социально значимых форм поведения (Grossmann, 2013). Кроме того, известно существование связи между развитием социального интеллекта и когнитивных достижений (Caputi et al., 2012), по которым дети с ЗПР, очевидно, находятся в проигрыше по сравнению с нормой.

Роль вербально-понятийного мышления как предиктора развития для 4-х летних детей также не случайна – в 67% случаев у первично диагностированных российских детей с ЗПР наблюдается задержка речевого развития – ЗРР (Исаев, 2013), что естественно, тормозит формирование понятийного мышления.

Говоря о гетерогенной шкале, стоит отметить, что первый пункт с наибольшим вкладом это рабочая память (0,733). Рабочая память рассматривается как один из важнейших показателей в составе когнитивной продуктивности (Shipstead, Harrison & Engle, 2016). По полученным нами данным у детей с ЗПР этот показатель возрастает намного медленнее чем у группы норма, что соответствует результатам исследования когнитивного профиля детей младшего школьного возраста с трудностями в обучении, где основные проблемы сохранялись в функционировании рабочей памяти и скорости переработки информации (Cornoldi et al., 2014). Надо отметить, что пространственное и логическое мышление относятся к факторам невербального интеллекта, задатков и способностей, поддающимся тренировке в меньшей степени, чем вербально-понятийное мышление. В лонгитюдном исследовании развития пространственного мышления у детей от 1 года до 4 лет было показано, что зачатки пространственного мышления годовалого ребенка являются валидными прогностическими критериями овладения пространственными и математическими навыками в возрасте 4 лет (Lauer & Lourenco, 2016) Также, были получены свидетельства в пользу того, что в первый год жизни довербальное интуитивное чувство числа определяет уровень овладения первичными арифметическими навыками в 3,5 года (Starr, Libertus & Brannon, 2013).

Выводы

Выделены предикторы, позволяющие с высокой точностью предсказать наличие или отсутствие ЗПР для 4-х летних детей. Наиболее мощными предикторами оказались (в порядке убывания вклада): развитие тонкой моторики; социальный интеллект и вербально-понятийное мышление. Высокая точность предсказания свидетельствует о существовании драматического разрыва между группами норма и ЗПР по этим предикторам. Очевидно, это связано с запоздалой диагностикой проблем в развитии детей в России. На протяжении четвертого года жизни, в группе ЗПР «Возрастающий» фактор значительно меньше подвержен изменениям, чем в группе норма, что свидетельствует об углублении отставания в развитии. Интерпретация полученных факторов является дискуссионной, однако, важно подчеркнуть, что полученная структура отражает предикторы развития для данного возраста, а не факторы, заданные априорно в классических тестах интеллекта.

*Исследование выполняется при поддержке гранта
РФФИ № 17-06-00989/17-ОГОН.*

1. Иванова А.Е., Мирошников С.А. (2011) Методические материалы к экспертной системе индивидуального сопровождения “Лонгитюд”. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 44 с.
2. Методические материалы к программному комплексу Лонгитюд-ЭДК. Экспертная система Лонгитюд. Экспериментально-диагностический комплекс (ЭДК). (2008) / Под ред. С. А. Мирошникова – СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 170 с.
3. Nasledov, A. D. (2013). IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: Professional statistical analysis of data. Russia, Saint-Petersburg: Piter, p. 416
4. Caputi, M., et al. (2012). Longitudinal effects of theory of mind on later peer relations: The role of prosocial behavior. *Developmental Psychology*, 48, 257-270.
5. Cornoldi, C., et al. (2014). Differences in the intellectual profile of children with intellectual vs. learning disability. *Research in Developmental Disabilities*, 35, 2224–2230.
6. Cowan, N., & Alloway, T. (2009). Development of working memory in childhood. In M. L. Courage, & N. Cowan (Eds.): *The development of memory in infancy and childhood*. Hove, East Sussex, UK: Psychology Press, 303-342.
7. Engel de Abreu, P., Conway, A., & Gathercole, S. (2010). Working memory and fluid intelligence in young children. *Intelligence*, 38, 552-561.
8. Farber, D. A., & Beteleva, T. G. (2005). Formation of the system of visual perception in ontogeny. *Human Physiology*, 31, 515–524.
9. Frick, A., & Mohring, W. (2013). Mental object rotation and motor development in 8- and 10-month-old infants. *Journal of Experimental Child Psychology*, 115, 708–720.

10. Grossmann, T. (2013). The role of medial prefrontal cortex in early social cognition. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7. doi:10.3389/fnhum.2013.00340.
11. Исаев Д.Н. Психиатрия детского возраста: психопатология развития. – СПб.: СпецЛит, 2013, 168.
12. Kok, L., et al. (2016). The effectiveness of psychosocial interventions for children with a psychiatric disorder and mild intellectual disability to borderline intellectual functioning: A systematic literature review and meta-analysis. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 21, 156–171.
13. Lauer, J. E., & Lourenco, S. F. (2016). Spatial processing in infancy predicts both spatial and mathematical aptitude in childhood. *Psychological Science*, 27, 1291–1298.
14. Macmann G. M., & Barnett D. W. (1994). Some additional lessons from the wechsler scales: A rejoinder to Kaufman and Keith. *School Psychology Quarterly*, 9, 223–236.
15. Miroshnikov S.A., Nasledov A.D., Zashchirinskaia O.V. (2016) Criterion validation of the Scale of Psychomotor Development (SPMD) in developmental delay study of pre-school children. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 223, 220–224.
16. Moriguchi, Y., & Hiraki, K. (2013). Prefrontal cortex and executive function in young children: a review of NIRS studies. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, 867. doi:10.3389/fnhum.2013.00867.
17. Reise, S. P. (2012). The rediscovery of bifactor measurement models. *Multivariate Behavioral Research*, 47, 667–696.
18. Riou, E., et al. (2009). Global developmental delay and its relationship to cognitive skills. *Developmental Medicine & Child Neurology*, 51, 600–606.
19. Shipstead, Z., Harrison, T., & Engle, R. (2016). Working memory capacity and fluid intelligence: Maintenance and disengagement. *Perspectives on psychological science*, 11, 771–799.
20. Starr, A., Libertus, M. E., & Brannon, E. M. (2013). Number sense in infancy predicts mathematical abilities in childhood. *Proceedings of the National Academy of Sciences, USA*, 110, 18116–18120.
21. Tsao, F. M., Liu, H. M., & Kuhl, P. K. (2004). Speech perception in infancy predicts language development in the second year of life: A longitudinal study. *Child Development*, 75, 1067–1084.
22. Tsujimoto, S. (2008). The prefrontal cortex: functional neural development during early childhood. *Neuroscientist*, 14, 345–358
23. Voelke, A., & Roebbers, C. (2016). Sustained attention and its relationship to fluid intelligence and working memory in children. *Journal of Educational and Developmental Psychology*, 6, 131–139.
24. Watkins M.W., & Beaujean A.A. (2014) Bifactor Structure of the Wechsler Preschool and Primary Scale of Intelligence. *School Psychology Quarterly*. Vol. 29. (1), Mar, 2014 pp. 52–63.
25. Wellman, H. M., et al. (2008). Infant attention to intentional action predicts preschool theory of mind. *Developmental Psychology*, 44, 618–623.

Потокина А.М.

Проблема выбора метода в психологическом исследовании

*ФГБОУ ВО «ОГУ»
(Россия, Оренбург)*

doi 10.18411/scc-30-09-2017-11

idsp 000001:scc-30-09-2017-11

Проблему метода в эпоху смены диагностической парадигмы, по возможности, следует решать пересмотром равновесия номотетического с идеографическим подходами. Столь критическое противопоставление этих подходов зачастую приводит к методологическому тупику, такая точка зрения является весьма ложной. Идеографическое воссоздание порой отождествляют с описанием какого-либо конкретного случая, определяя данные исследования некорректными. Однако трансспективный анализ избранных диагностических стратегий в ряде теорий личности (З. Фрейд, Э. Эриксон, Э. Фромм, К. Хорни, Г. Оллпорт и др.) позволяет уточнять, что идеографические исследования не идентичны исследованию «единичного» случая, они могут быть адресованы и на обнаружение общих механизмов, действие которых в психологии во многом обуславливается контекстовыми характеристиками времени, места, признаками развития социальных групп. В тех случаях, когда идеографическое исследование обращено на утверждение общих механизмов, антагонистичность этих двух подходов меркнет. Если же установлена проблема, воссоздать уникальную личность посредством идеографического метода, то сведение о таких показателях

групповой статистики, как усредненные показатели и коэффициенты корреляции, вряд ли окажется полезной [3].

Значительной чертой постнеклассической психодиагностики определяется комплексность, которая стирает и минимизирует границы между традиционно обособленными естественными и гуманитарными методами, иницируя диалог науки и других элементов духовной культуры. Интеграционная (комплексная) психодиагностика разрешает выразить объективный психологический диагноз, способный обнаруживать как причинно-следственные связи и общие законы человеческого поведения, так и обозначать эффективную индивидуальную коррекционно-развивающую деятельность практикующему психологу[2].

В последние десятилетия также отмечается гуманизация как исследовательских, так и практических трудов по психодиагностике. Сообразно логике антропологического подхода, мы признаем необходимость формирования подобного измерительного инструментария, который являлся бы не методом констатации некоторых психических явлений, а содействовал бы дальнейшему развитию личности. В связи с этим, методологические проблемы диагностики нами рассматриваются в двух аспектах: в их идеальном и реальном значении. Логика, эстетика, этика, онтология и другие дисциплины задают некий нормативный идеальный образец, с каким можно сравнивать истинное поведение и выявить уровень аномалии от идеала. Но похожие нарушения, в соответствие, нормы нельзя находить аномалией или патологией, потому что соотнесение совершается не с нормой, а с идеалом. Присутствие идеальных образцов много и в этике, и в эстетике, и в психологии. В этом значении надлежит разъединять две вещи: с одной стороны, есть некий комплект идеальных образцов, а с другой, — в реальном поведении постоянно имеет зону определенная свобода в следовании этих эталонов. Человек является как совокупность множества действительностей, каждая из которых в той или иной степени отвечает установленному образцу. Настоящее же поведение формируется как производное от шага каждого образца[1].

1. Самоэффективность, проактивность и жизнестойкость в обучении (влияние на академические интересы и достижения студентов) Ерзин А.И., Епанчинцева Г.А. Современное образование. 2016. № 2. С. 65-83.
2. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурия // Национальный психологический журнал - 2012 - №8 - с.32- 45.
3. Зинченко Ю.П. Методологические проблемы фундаментальных и прикладных психологических исследований.

РАЗДЕЛ VI. ФИЛОЛОГИЯ

Gorshunov Y.¹, Gorshunova E.²

English-speaking mass media titles in Rhyming Slang

¹Bashkir State University at Birk
(Russia, Birk)²Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian
Federation
(Russia, Moscow)

doi 10.18411/scc-30-09-2017-12

idsp 000001:scc-30-09-2017-12

Abstract

The given article is devoted to the analysis and sociocultural description of some rhyming slang expressions involving the use of printed mass media titles in the English-speaking community that serve as rhymes or as basis for rhymes. The rhymes are taken from modern dictionaries of rhyming slang.

Key words: rhyming slang, printed mass media, English-speaking community, linguistic and sociocultural description of rhyming slang expressions

Hardly anyone, it seems, would argue that information in the modern world is a powerful force that affects people in any field of activity and any walk of life. Interaction and intersection of fields of activity is directly linked to communication of information. In this light it is evident that mass media is a broad-spectrum agent to create, shape and influence man's conception of the visual environment and phenomena [1], [3]. Mass media, newspapers and periodicals, in the first place, are the most important means of informing and mirroring public opinion, and media texts are, perhaps, one of the most widespread forms of language existence.

The language of mass media is an operative part in effective impact on public mind. Mass media by executing societal demands not only inform the audience but have a noticeable impact on mentality and attitudes of people at large.

Printed mass media in the UK are represented by newspapers of three categories. There are quality newspapers: *The Times* and *Sunday Times*, *The Financial Times*, *The Daily Telegraph* and *Sunday Telegraph*, *The Guardian*, *The Observer*, *The Independent* and *Independent on Sunday*, there are popular newspapers intended for the broad masses: *The Mail*, *Mail on Sunday*, *The Express* and *Sunday Express* and tabloid newspapers or 'red-tops' called so from the colour of the masthead on these publications, characterized by sensationalism: *The Sun* and *Sun on Sunday*, *The Mirror* and *Sunday Mirror*, *The Daily Star* and *Daily Star Sunday*. The rhymes for the newspapers described in the article are taken from modern Dictionaries of Rhyming Slang [4], [5], [6]. The article is related to the Russian text of the authors [2].

Our analysis of the rhymes starts with the rhymes for the word *newspaper*. We have found three rhymes - *linen draper*, *Johnny Raper*, and *skyscraper*.

The rhyme *linen draper* dates from the mid-19th century, when the term *linen draper* for 'a seller of linen and other cloth, a dealer in fabrics and sewing materials' would still have been generally familiar, but it survived well into the 20th century. It has been abbreviated to *linen* and is used in the reduced form to name especially a newspaper which is folded [6, p 20]. The rhyme *Johnny Raper* is of Australian origin. It is based on the name of a well-known Rugby player of the post-World War II period. A new rhyme, *skyscraper*, like the rhyme *linen*, is a general rhyme for *paper*, but 'newspaper' is a frequent application.

We may assume that since the main rhyming slang speakers are first of all East Enders and working class people who appear to prefer reading mass and tabloid papers, we shall find more rhymes for the popular and tabloid titles and the use in rhyming slang of popular and tabloid titles than those of qualities. The search and analysis of the data confirmed this supposition. London cockneys use the popular and tabloid titles *Daily Express*, *Daily Mail*, *Daily Mirror*, and *The Sun* in various contexts. But the winner's laurels go to the quality *The Times*, which has bagged two rhymes *Captain Grimes* and *nursery rhymes*. *Captain Grimes* was coined for the *Times* of London in the 1980s. The rhyme presumably refers to the dubious character in Evelyn Waugh's novel *Decline and Fall* (1928), the schoolmaster Captain Grimes. The second rhyme is ironical and may be perceived as a jibe at the *Times*'s much vaunted reputation as the UK's 'newspaper of record' [4, p. 238].

The rhyme *currant bun* refers to several referents and dates from the end of the 19th century: it denotes (1) the *sun* (both the sun and bun are round); (2) a *son* (He's awfully proud of his *currant*) and (3) a *nun*. The meaning "newspaper *The Sun*" was added in the 1980s: 'Must be true cos I read it in the *Currant Bun*'. The *Sun* happens to be the most read newspaper with the current circulation of 2.5 million. It is noted for the regular Page 3 Girl photograph, a feature formerly included in the paper. The phrase originates with the publication of a large photograph of a topless, bare-breasted female glamour model which was usually published on the print edition's third page. Page 3 was popular with *Sun* readers, but it also attracted sustained controversy. Critics argued that Page 3 objectifies and demeans women, while others believed that it should not appear in a generally circulated national newspaper.

The new rhyme *Jack and Vera* is London Cockney rhyming slang for *the Daily Mirror* newspaper now called *The Mirror*. This tabloid, founded in 1903, was conceived as a cheap publication for housewives and home reading. The *Mirror* is the *Sun*'s major rival. The *Jack and Vera* forming the rhyme are Coronation Street's *Jack and Vera Duckworth*, one of the best-known couples in television history. "*Jack*" Duckworth was a long-standing fictional character from the soap opera played by actor Bill Tarmey. Jack's storylines have focused on his long-standing marriage to his wife Veronica "*Vera*" Duckworth (née Burton), played by Elizabeth Dawn. Both characters have been immortalized in wax by Madame Tussauds.

The Independent, a quality newspaper first published in 1986, is ideologically close to the Liberal Democratic Party. It has the smallest circulation of all the dailies. There is a slangy term for the newspaper - *Indie*, which rhymes with *Mork & Mindy*. The rhyme is based on an American sitcom broadcast from 1978 to 1982 on ABC. *Mork & Mindy* stars Robin Williams as *Mork*, an extraterrestrial who comes to Earth from the planet Ork in a small, one-man egg-shaped spaceship. Pam Dawber co-stars as *Mindy* McConnell, his human friend and roommate.

The rhyme *Beans on Toast*, reduced to *beans*, can refer to a *goal post* (as in: My penalty hit the *beans*) as well as to the newspaper *Evening Post*, as in: Go and buy *the beans on toast* will you son. Beans on Toast is a popular snack advertised as a 'great snack to munch on while watching your favorite British programs' that is good with Strongbow cider. The rhyme *Beans on Toast* has recently been fortified by the stage name of a British musician, folk singer and author Jay McAllister who rose to prominence out of the UK folk scene in 2005. His songwriting openly deals with the topics of politics, drugs and love. Beans on Toast traditionally releases a new record each year on 1 December, McAllister's birthday.

In Australian rhyming slang there is a rhyme for any newspaper with *Herald* in the name – *Jim Gerald*. John Ayto thinks it an arbitrary choice, not based on any particular Mr. Gerald: Melbourne's evening newspaper was, and sometimes still is, called *Jim Gerald (Herald)* which would simply confuse the Cockneys. [4, p. 238]. Yet there appears to have been "a particular Mr. Gerald": it looks very likely that the rhyme exploits the name of a well-known Australian comedian and circus performer *Jim Gerald* (1891 - 1971) who is credited

to be the “last of the ‘big three’ of Australia’s 20th century comics – Gerald, George Wallace and Roy Rene”.

Of no less interest are the cases when newspaper titles, in their turn, serve as rhymes for ordinary everyday things. The use of the titles in this function is evidence of their wide popularity with cockney speakers. Two of the dailies – *the Daily Express* (known simply as *The Express*) and *the Daily Mail* (now called *The Mail*) belong here.

The *Daily Express*, founded in 1900, conservative in outlook, was the first to publish a crossword. The title rhymes with *dress* (as a noun and verb).

The *Daily Mail*, founded in 1896, is probably the most intellectual of the popular papers. It is widely read by a range of social groups [7, p. 93] and is today the only newspaper to boast a 50% female readership. The newspaper was sued for libel on several occasions. The rhyme was first recorded in the 1930s and is often shortened to *daily*. *Daily Mail* rhymes with a number of referents: (1) *tail*, the backside, the buttocks (*up one’s daily* = following close behind); the sex, copulation (*tail*); (2) a *tale*, a lie (the rhyme probably contains a comment on the believability of the paper); (3) *ale*; (4) *bail*; (5) *nail*.

Completing our analysis of rhyming slang units used as rhymes for some printed mass media titles and the mass media titles that serve as rhymes for ordinary things, we shall dwell on *the Sporting life* newspaper that was published from 1859 until 1998, was known for covering horse racing and was popular with horse racing fans, bookies and jockeys who were likely to use the rhyme *Sporting life* to refer to one’s *wife*. The *Sporting Life* was said to be the late Queen Mother’s favourite newspaper. Latterly it has continued as a multi-sports website. The rhyme has been backed by a 1963 British feature film based on the novel *This Sporting Life* by David Storey. The film directed by Lindsay Anderson recounts the story of a rugby league footballer, whose romantic life is not as successful as his sporting life. The rhyme *Sporting life* to refer to one’s *wife* (there are more than two dozens rhymes, for example, *bit of tripe*, *Carving Knife*, *Fork and Knife*, *drum and fife*, *Duchess of Fife*, *Struggle and Strife*, *Trouble and Strife*, *war and strife*, *worry and strife* etc.) reflects “the male-dominated club” of prototypical rhyming slangsters [4, p. xii].

To sum it up: the rhymes presented in the article give clear evidence of reading tastes and preferences of London cockney speakers and the reading matter that shape their conception of the visual environment and phenomena. There are the rhymes *linen draper*, *Johnny Raper*, and *skyscraper* for the word *newspaper*, *Captain Grimes* and *nursery rhymes* for The Times, *currant bun* for The Sun, *Mork & Mindy* for the Indie, *Beans on Toast* for the Evening Post, while the titles *The Express*, *The Mail* and *The Sporting Life* serve as rhymes themselves.

1. Volodina M. N. Jazyk sredstv massovoi informacii. - M.: Al'ma Mater, 2008. = Володина М. Н. Язык средств массовой информации. - М.: Альма Матер, 2008.
2. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Anglojazychnye pechatnye SMI v rifmovannom slenge // Doklady XI mezhd. nauch.-prakt. konf. «Akademicheskaja nauka – problemy i dostizhenija» 6-7 fevralja 2017g. North Charleston, USA. Tom 1. S. 157-161. = Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Англоязычные печатные СМИ в рифмованном сленге // Доклады XI межд. науч.-практ. конф. «Академическая наука – проблемы и достижения» 6-7 февраля 2017г. North Charleston, USA. Том 1. С. 157-161.
3. Dobroslonskaja T. G. Jazyk sredstv massovoi informacii: uchebnoe posobie / T. G. Dobroslonskaja. – M.: KDU, 2008. – 116s. = Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации: учебное пособие / Т. Г. Добросклонская. – М.: КДУ, 2008. – 116с.
4. Ayto, John. Oxford dictionary of Rhyming Slang. Oxford University Press, 2003. - 309p.
5. Green, Jonathon. The Big Book of Rhyming Slang. – Cassell, 2002. – 334 p.
6. Perkins, D. C. Cockney Rhyming Slang. A Domino Book, 2004. - 48p.
7. Room, Adrian. An A to Z British Life: Dictionary of Britain. Oxford University Press, 1990. – 480p.

РАЗДЕЛ VII. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Садыхзаде Х.А.

Возникновение древних площадных представлений и их виды

*Бакинская музыкальная академия им. У.Гаджибейли
(Азербайджан, Баку)*

doi 10.18411/scc-30-09-2017-13

idsp 000001:scc-30-09-2017-13

Аннотация

Статья посвящена старинным музыкально-сценическим представлениям, которые осуществлялись на площадях. Эти музыкально-сценические народные представления имели как индивидуальный, так и массовый характер. На этих представлениях исполнялись песни, танцы, а так же талантливые музыканты играли на разных музыкальных инструментах.

Ключевые слова: Площадные представления, Скачки, Представления силачей, Развлекательные представления, Представления канатоходцев, Шуточные (потешные) представления, Представления цыган, Индивидуальные представления.

Abstract

The article is dedicated to the ancient musical-scene performances that were put on the stages in the streets. These performances conducted to be distracted from the sadness, sorrow and the difficulties of life by means of laugh and cokes. These performances had individual as well as mass character.

In the repertoires of verbal folk arts of Turkish tribes, including Azerbaijani, the very major place was taken up by the street performances.

On these scenes performed different songs and dances, besides them the talented musicians played different musical instruments.

Key words: street performances, horse-races, performances of strong men, entertainments, performances of rope-walkers, fun performances, gipsy performances and individual performances

В репертуарах устного народного творчества, фольклора тюркских племен, в том числе у азербайджанцев, важное место и значение имели площадные представления. Площадные представления в основном ставились на открытом воздухе и здесь, естественно, использовались первые зачатки пантомимы. По мнению академика А.Набиева, «на первоначальном этапе площадные представления выражались движениями рук и ног, мимикой, позже они прошли большой путь развития от бессмысленных танцев к сюжетным танцам» [4, с. 25].

Исторически в Азербайджане площадные представления формировались нижеследующим образом [1, с. 241]:

- скачки;
- представления силачей;
- развлекательные представления;
- представления канатоходцев;
- шуточные (потешные) представления;
- представления цыган;
- индивидуальные представления.

Наряду с исполнением песен, игрой на старинных музыкальных инструментах, эти представления сопровождалась и танцами.

Само значение слова «скачки» подтверждает, что это одно из массовых представлений тюркских племен, проводимых на открытом воздухе. Как правило, скачки проводились после завершения сельскохозяйственных работ, либо перед их началом и это был конкурс с участием в них лучших всадников и коней. Победители в этих состязаниях пользовались большим авторитетом среди людей. Одновременно во время этих состязаний молодые люди присматривали себе будущих невест. Молодые люди, готовящие коней к состязаниям, пели песни, посвященные своим любимым девушкам, четвероногим питомцам, под ритмы этих песен танцевали. Очень часто молодые участники скачек бросали к ногам своих любимых яблоки. Если девушка подбирала яблоко, молодой человек мог отправлять сватов.

Представления силачей с древних времен в основном были распространены в Баку и на Абшероне, ИчериШехер, Верхнем Базаре, Гоша каравансарая и других местах. Эти представления в основном проходили в праздничные дни, в дни празднования Новруз Байрама.

Большое и важное место в репертуаре представления силачей отводилось воспитанию. На этих представлениях после сложных спортивных действий силачей (пехлеванов) девушки танцевали. В Азербайджане, до установления Советской власти соревнования силачей демонстрировались в основном осенью, зимой и весной.

Развлекательные представления в основном проводились во время досуга населения, после работы и это было тесно связано с психологией людей. Эти представления проводились, чтобы развеять грусть, печаль, трудности жизни смехом и шутками. Начиная со средних веков эти представления были широко распространены в Южном Азербайджане, Тебризе, Хамадане. На этих представлениях исполнялись песни различной тематики, под звуки свирели молодежь танцевала.

Сельчане начинали эти представления после завершения сезона сельскохозяйственных работ, они продолжались до начала нового. Академик Азад Набиев описывает представления канатоходцев следующим образом:

– Ритмичные танцы «гайтагы», «терекеме» на канате и т.д. Танцующих, прыгающих на канате под созвучие этих мелодий называли канатоходцами. У них были и шуты. Надев стеганку (чуху) наизнанку, они обвешивались колокольчиками, с маской из кожи на лице шутили, кривлялись, собирали по кругу мелочь.

Представления канатоходцев в средние века были широко распространены и развиты в Южном Азербайджане, Тебризе, Хамадане, в Баку и прилегающих селах. Танцую и подпрыгивая на канате, они также совершали акробатические трюки.

– Широко были распространены в средние века в Южном и Северном Азербайджане шуточные (потешные) представления. Слово шутка по смыслу близко к «потехе» и поэтому в Азербайджане эти представления всегда были полны юмора. Эти представления наряду с европейскими народами, были распространены в Греции, Узбекистане, Иране, Таджикистане.

Как правило, их показывали на небольших площадках. Люди садились в круговую, музыканты исполняли различные мелодии. Спустя некоторое время в круг выходила танцующая молодежь. Вначале звучали высокие звуки зурны, потом ее сменяла танцевальная мелодия на балабане (вид азербайджанской свирели). И только после этого в круг приглашались шутники и потешники.

Представления цыган широко были распространены в XIX веке. В средние века эти представления были распространены в ряде городов Востока, в том числе в Мешхеде, Ардебиле, Хойе. Представления, построенные на кочевой жизни цыган, воспринимались с большим интересом. Наряду с цыганскими песнями, здесь имели место зажигательные цыганские танцы. Представления цыган проводились на открытом воздухе и продолжались несколько часов. Обязательным атрибутом этих представлений был медведь, который под ритмичную музыку, удары бубна танцевал. Одним из таких танцев является азербайджанский народный танец «Шалахо». Его

использовали цыгане, которые кочевали с медведем и показывали представления. Потому как цыгане по роду образа жизни не знали границ, танец «Шалахо» своей мелодичностью, танцевальным ритмом $6/8$ остался в памяти народов Грузии, других кавказских регионов и по сей день он находится в одном ряду с национальными танцами этих народов.

Очень талантливые цыгане, своим творчеством влияя на развитие местной культуры, в то же время в своих представлениях использовали ее танцевальные элементы.

Индивидуальные представления с самых древних времен одни из запоминающихся площадных представлений в Азербайджане. По названию ясно, что эти представления организовывались отдельными личностями в соответствии с их талантами. В основном эти представления начинались в период Новруз Байрамы после представлений силачей, шутников, скачек и являлись составной частью площадных представлений. На представлениях такого рода ведущих было один или двое. О таких представлениях академик Азад Набиев писал: «Такие представления начинались с высвистанных мелодий, призывающих к сражению, которые раззадоривали зрителей, в некоторых случаях раздавались звуки барабанов, звучали зажигательные танцевальные мелодии»[4, с.188].

У индивидуальных представлений были такие образцы, как бои бычков, верблюдов, баранов, петухов, выступления перепелятников и голубятников, состязания по разбиванию куриных яиц и т.д. По сей день в Баку, прилегающих к столице селах, в Нахчыване, Ордубаде, Шемахе, Балакене эти виды состязаний популярны, на представлениях используются различные жанры фольклорной музыки, а также национальные танцы.

Из народного творчества в связи с азербайджанскими национальными танцами, из древних жанров в пример можно привести игры. Еще задолго до возникновения языка у тюркских племен, игры и танцы в их составе, в некотором роде были средством выражения и общения между этносами. Наряду с этим в процессе развития общества сформировались язык и речь, а содержание игр, обогатившись, стало еще более интересным. Все это нашло отражение в рисунках на «каменных книгах» «Гобустана» и скалах «Кельбаджар». На этих наскальных рисунках можно встретить следы народных игр, а иногда и полные их рисунки. В этом случае академик Азад Набиев своей книге «Народные песни, игры» пишет: «Первый этап появления и развития игр связан с танцами. А точнее, первоначальные игры были внутри танцев. В первоначальных играх танцы имели примитивные оттенки. На втором этапе игр, они, как отмечалось выше, были отделены от танцев, и служили во времена досуга развлечением»[4, с. 129].

По мнению А. Набиева, «первоначальный творческий этап игр, несомненно, существовал раньше шаманизма» [4, с. 128].

А. Набиев считает целесообразным классифицировать народные игры нижеследующим образом:

1. Игры с присутствием танцев;
2. Церемониальные игры;
3. Бытовые игры;
4. Игры общественного содержания.

Во всех вышеизложенных играх азербайджанские народные танцы использовались по назначению содержания.

Народные игры можно показать в нижеследующей таблице:

N	Развитие игр	Наименование игр
1	Игры с присутствием танцев	«Призыв дождя» (“Yağış yağdırmaq”), «Призыв ветра» (“Küləyi çağırmaq”), «Остановить ветер» (“Küləyi kəsmək”), «Разжечь огонь» (“Odu közərtmək”).

2	Церемониальные игры	Игра «Кевеч» (“Kəvəc”oyunu), «Коса гелин» (“Kosa gəlin”), «Финджан-финджан» (“Fincan-fincan”), «Нюнню» (“Nünnü”), «Году-году» (“Qodu-qodu”), «Кос-коса» (“Kos-kosa”), «Гытгылыда» (“Qıtqılıda”), «Халил олдю» (“Xəlil öldü”), «Долма-долма» (“Dolma-dolma”), «Шалахо» (“Şalaxo”), «Джызыг турнасы» (“Cızıq turnası”).
3	Бытовые игры	«Тагы кюлах, Наги сяр» (“Tağı külah, Nağı sər”), «Хабуду гетди, Шабуду гелди» (“Habudu getdi, Şabudu gəldi”), «Уста Шяирд» (“Usta şeyird”), «Йолдаш, сени ким апарды?» (“Yoldaş, səni kim apardı?”), «Беновша-беновша» (“Bənövşə-bənövşə”), «Ал буну» (“Al bunu”), «Беш, онбеш» (“Beş, onbeş”), «Чумруг-чумруг» (“Çumruq-çumruq”).
4	Игры общественного содержания	«Арвады кендхуда апарды» (“Arvadı kəndxuda apardı”), «Абдурахман и визирь» (“Əbdürrəhman və vəzir”), «Хан-визирь» (“Xan-vəzir”), «Хан-хан» (“Xan-xan”), «Канкан» (“Kankan”).

В указанных играх имеются и детские, они так и называются «детские игры». Во всех указанных играх использовались мелодии азербайджанских народных танцев, соответствующих содержанию и драматургии игр. Например, в игре «Финджан-финджан» (“Fincan-fincan”) широко использовались мелодии «Вагзалы» (“Vağzalı”), «Эйвагюлю» (“Heyvagülü”), «Гочали» (“Qoçəli”), «Шалахо» (“Şalaxo”), «Узундере» (“Uzundərə”), в играх «Коса-гелин» (“Kosa-gəlin”), «Коса-коса» (“Kosa-kosa”) – «Новрузу» (“Novruzuz”), «Новруз гюлю» (“Novruz gülü”), «Терекеме» (“Tərəkəmə”), в игре «Гытгылыда» (“Qıtqılıda”) – «Гытгылыда» (“Qıtqılıda”), «Вагзалы» (“Vağzalı”), в игре «Халил олдю» (“Xəlil ödü”) – «Тураджы» (“Turacı”), в игре «Долма-долма» (“Dolma-dolma”) – «Терекеме» (“Tərəkəmə”), «Мирзеи» (“Mirzəyi”), в игре «Шалахо» (“Şalaxo”) – «Шалахо» (“Şalaxo”) и другие. Они по сей день используются в районах Азербайджана.

Хотя игры и танцы, которые использовались в них, невозможно было сохранить такими же, какими они были в древние времена, мелодии этих танцев в XX веке опытными композиторами и музыковедами были перенесены на ноты, что позволило их сохранить для будущих поколений. А последнее время различные самодеятельные коллективы, с условием сохранения древних сюжетов этих танцев, вносят в них новшества в соответствии с требованиями современности. Однако любое новшество не должно полностью отрицать древние традиции.

Одним из пространств, где широко применяются народные танцы Азербайджана, являются свадебные церемонии. В древние времена свадебные церемонии Азербайджана проводились в свадебных пещерах. Во время церемонии наряду с различными песнями, ашугским исполнением, широко использовались и танцы. Раньше свадьба жениха и невесты проводилась раздельно. На этих свадьбах широко использовались индивидуальные, дуэтные и массовые («Яллы») танцы. Кроме этого, наряду с использованием танцев на свадьбах и праздниках, они были популярны во дворцах, мероприятиях богатых людей с участием гостей.

Одним из таких людей был Махмуд ага Ахмедага (1826-1896), заслуги которого в развитии музыкального искусства во второй половине XIX века в Ширванском уезде были велики. Известный в Шемахинском уезде, как один из богатых землевладельцев, Махмуд ага ни один день не мог обойтись без музыки. Слух о созданных им музыкальных меджлисах разнесся по всему Кавказу. Все путешественники, посещавшие Шемахинский уезд во второй половине XIX века, становились его гостями. Одним из его гостей был известный французский писатель Александр Дюма. Вот что он писал: «Один из богатых татар Шемахи Махмуд бек пригласил нас на ужин по-ирански и вечер с участием танцовщиц... Его дом был одним из самых красивых в Иране (Азербайджане)... Мы вошли в комнату с восточным убранством... Перед большим окном сидели три танцовщицы и пять музыкантов» [7, с.337-338].

А вот, что писал присутствовавший на этом мероприятии русский этнограф и путешественник И.Евлахов: «На одном из очередных вечеров после очередного ужина,

Дюма, очарованный красотой танцовщицы Нисы, подошел к ней, приподнял легкую материю и поцеловал ей пупок» [8].

Одним из известных гостей Махмуд аги был президент Петербургской Художественной Академии, известный художник, князь Гагарин. Его тоже на меджлисах Махмуда очаровали танцы Нисы. После этих встреч известный художник создает свою известную картину «Шемахинские танцовщицы», в которой наряду с Нисой, отразил танцовщиц Сону, Рену, Сакину, Хикмет и Малейку.

Следует отметить, что известные поэты Азербайджана Х.Б.Натаван, С.А.Ширвани, М.А.Мюжтехидзаде и другие тоже организовывали музыкальные меджлисы в Шемахе, Гяндже, Шуше и на них наряду со стихами исполнялись песни, мугамы, танцы.

Известный азербайджанский писатель-драматург А.Ахвердиев делал сценарии музыкальных сцен под названием «Восточные концерты» и устраивал их в Шуше (1901), Баку (1902). Эти спектакли завершались представлением «Азербайджанская свадьба». На этих концертах наряду с мугамом, народными песнями, ашугским исполнением и музыкальными сценками, достаточное место отводилось танцам.

В начале XX века «Восточные концерты» настолько популяризировались, что постепенно развиваясь, трансформировались в спектакли под названием «Восточные вечера»: «Программа «Восточных вечеров», положительно влияющая на эстетические вкусы спектаклей, в отличие от концертов была несколько более широкой и многогранной. Если на концертах участвовали певцы и ашуги, на «восточных вечерах» отводилось место и «Восточным концертам», и небольшим театральным постановкам с танцами [5, с. 34].

Азербайджанские народные танцы служили не только для их исполнения на церемониях, свадьбах, в дни праздников, но и, найдя путь в XX веке к творчеству профессиональных композиторов, развивались. Так, наши композиторы в создаваемых ими музыкальных произведениях различных жанров удачно использовали эти танцы. Например, основоположник профессиональной музыки Азербайджана, выдающийся композитор Узеир Гаджибеков в своей оперетте «Не та, так эта» в песне Мешади Ибада, начинающейся со слов «Как бы ни был я стар...» использовал мелодию народного танца «Узундере».

У.Гаджибеков, основательно поработав над этой народной мелодией, привел ее в соответствие с вокальным жанром, внесопределенные изменения. Несмотря на это, все азербайджанцы, которые слушают песню «Мешади Ибада», прекрасно знают, что это народный танец «Узундере». То есть обычная танцевальная музыка нашла свое место в жанре оперетты. В первом акте указанной оперетты мелодия дуэта Рустам бека и Мешади Ибада взята из народного танца Азербайджана «Дарчыны». Выдающийся композитор не представил ее в том виде, какой она есть, а привел ее в соответствие с вокальным исполнением.

В оперетте «Аршин мал алан» У.Гаджибеков в припеве хора девушек «Аршин малчи, покажи товар» использовал песню-танец «Галадангала», широко распространенную в тюркском мире. Не был равнодушен к народным азербайджанским танцам и выдающийся азербайджанский композитор Муслим Магомаев. В начале 30-х годов прошлого столетия он создал такие симфонические танцы для симфонического оркестра, как «Турадзы», «Джейраны», «Аскерани».

Отношение к танцам, использованным в произведении «Девичья башня» первого создателя азербайджанского балета, композитора А.Бадалбейли, Узеир Гаджибеков выразил таким образом: «Балетная труппа, отойдя от фальшивых шаблонов в постановке танцев, добилась своего, показав народную легенду художественными реалистичными средствами» [3, с. 327]. С этой точки зрения А.Бадалбейли в балете «Девичья башня» мастерски использовал такие танцы, как «Ай бери бах», «Шалахо», «Кикиджан», «Терекеме», «Вымя козы». Использование

народных танцев в классическом балетном жанре способствовало более легкому и интересному его восприятию.

Известный азербайджанский композитор Кара Караев в своем творчестве, хотя и не использовал народную музыку в виде цитат, в то же время мастерски пользовался ее интонациями, ритмами. Например, в «Танцах шутов» в балете «Семь красавиц» он использовал народный танец «Брильянт» на таком этапе, что на первый взгляд сходство обнаружить было сложно. Так, композитор синхронизировал мелодию, изменил лады, перевел ее в другую тональность, дал оригинальное сопровождение, расширил диапазон, отказался от частого возвращения в тонику.

Народный артист С.Гаджибеков в балете «Гюльшан» построил музыку «Марш» на народном танце «Терекеме», а танец подруг Гюльшан – на «Вагзалы». Народный артист Р.Миршили в мультфильме «Тыг-тыгханум» для свадебной церемонии использовал танец «Нелбеки». Композитор О.Раджабов в конце мультфильма «Принцесса нефти» для кадров бракосочетания нефтяной вышки с нефтью использовал симфоническое звучание народного азербайджанского танца «Мирзеи».

Выдающийся У.Гаджибеков в научном труде «Основы народной музыки Азербайджана» отмечает, что наряду с другими жанрами танцевальный жанр основывается на очень соразмерную и серьезную систему: «Анализ и исследование народных песен Азербайджана, теснифов, диринге, танцевальных мелодий и других музыкальных форм показывает, что музыкальное искусство народа Азербайджана основывается на очень соразмерную и серьезную систему. А все научно-теоретические вопросы народной музыки Азербайджана получают основу из этой системы» [2, с. 16].

1. Allahverdiyev M. Azərbaycan xalq teatrı tarixi. – Bakı, Maarif, 1978. – S. 241.
2. Hacıbəyov Üzeyir. Azərbaycan xalq musiqisinin əsasları. – Bakı: Azdövmusnəşr, 1962. – II nəşr. – S. 16.
3. Hacıbəyov Üzeyir. Əsərləri. 4 cildə. – Bakı, 1965. – II cild. – S. 327.
4. Nəbiyev Azad. El nəğmələri xalq oyunları. – Bakı: Azərənəşr, 1988. – S. 188.
5. Şuşinski F. Azərbaycan xalq musiqçiləri. – Bakı: Yazıçı, 1985. – S. 34.
6. Бюлбюль «Об исполнительстве и наших песнях» (рукопись) Архив института «Архитектура и искусство» Министерства культуры Азербайджанской ССР. Инвектор №67
7. Дюма А. Кавказ. Путешествие. – Тифлис, 1861. – С. 337-338.
8. См: газета «Новое обозрение», 1887 год, №1060

РАЗДЕЛ VIII. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Raimkulova A.

**Eurasian archaic in the post-soviet Kazakhstan art
(on example of composers' creativity)**

Ministry of Culture and Sport of the Republic of Kazakhstan

doi 10.18411/scc-30-09-2017-14

idsp 000001:scc-30-09-2017-14

Kazakhstan art, which underwent a lot of transformations in the 20th century under the influence of external factors (Westernization, decolonization, globalization, etc.), has a number of contradictory features. Keeping the continuity of the transmission of traditions (in the art of kuy (pieces for dombra), in song and epic schools, in equestrian competitions and in making the yurta (traditional tent) decoration), the art of Kazakhstan is renewed under the influence of world trends (experimental cinema, theater and architecture, musical avant-garde). At the same time, the most radical creative experiments using modern compositional techniques are often based on the artistic refraction of archaic images. Archaic in modern Kazakhstani cinema, theater, in academic music manifests dialectically, in conjunction with the risky quest for an avant-garde plan. It is appropriate to use the term with the prefix “neo-” to this rather broad layer in contemporary art: neoarchaism.

Artistic implementation of ethnic archaism images in general is characteristic of the avant-garde trend in the art of many countries. Speaking about the music of modern China, V. Kholopova notes the importance of the ethnic component in the style of avant-garde compositions [1, p. 250], V. Yunusova draws attention to the fundamentally national character of many avant-garde compositional techniques in the works of Asian composers [2, p. 198] and the influence of religious and philosophical views of the so-called Eastern traditions (Hinduism, Buddhism, Taoism, Sufism) [3, p. 27]. In modern Kazakh music, these features (reliance on traditional art and connection with religious and philosophical views) are manifested specifically. Often the philosophical basis of creativity is connected with shamanism (baksylyk), the implementation of which is interpreted not only (and not so much) as an ethnic component, but as an appeal to universal human, common Eurasian roots. Modern creative reincarnation of shamanism lies in the mainstream of many sociocultural tendencies, united by the concept of “Eurasianism”.

The concept of Eurasianism is perceived in society, primarily as a historical plan [4, p. 479], as political attitudes and state ideology [5]. Meanwhile, the comprehension of the Eurasian cultural community, the desire for integration, not in the political but in the socio-cultural way arises as a result of the natural course of historical development. This is confirmed by numerous manifestations of Eurasianism in art as a creative setting, consciously or subconsciously chosen by the authors as a context for drawing attention to the problems of ecology, globalization, preservation of cultural heritage, human place in the modern world, or as an artistic reflection of an objectively existing cultural environment.

Eurasian ideas in the works of writers, artists, musicians outstrip the political integration of Eurasian states, and in a sense, anticipate it. The Kazakh art of the 20th century, which is characterized by a multicultural identity, a sense of a kind of bridge between Europe and Asia, intensively implements and promotes the idea of intercultural dialogue, which has been politically transformed only in the 1990s thanks to the initiatives of N. Nazarbayev [6]. Thus, V. Nedlina notes that “Eurasian literature” (M. Auezov, O. Suleimenov, Ch. Aitmatov, etc.) along with ethnomusicology prepared “a large-scale rethinking of the role of traditional culture, the historical past of the people, the place of the Kazakhs in the “big fugue of peoples” (I. Goethe, R. Schuman)” [7, p. 48].

An aspiration for Eurasian integration, designed to replace the narrow ideological framework of the Soviet “friendship of peoples”, was consciously and subconsciously demonstrated by many representatives of the creative sphere. The idea of the free movement of man along the continent (and, more broadly, the world), his harmony with the world of nature and society characterizes Eurasianism as a creative concept. It was reflected in such phenomena as romanticization and artistic comprehension of the nomadic way of life, the search for common spiritual roots in the deep past of mankind (nearchaism, neo-Tengrianism) [7].

The fall of the “Iron Curtain” gave a significant impetus to this kind of creative manifestations that originated in the 1970s and 80s. The activity of the Kyzyl tractor creative group in the visual arts, given rise to a new style trend, which the researcher E. Reznikova calls “transavant-garde shamanism”, serves as a vivid example of this [8, p. 19]. It is noteworthy that many of the exhibitions and performances by the artists of this group, especially Moldakul Narymbetov, included the performance on creatively reconstructed instruments – tambourines, kobyzes [9, p. 15].

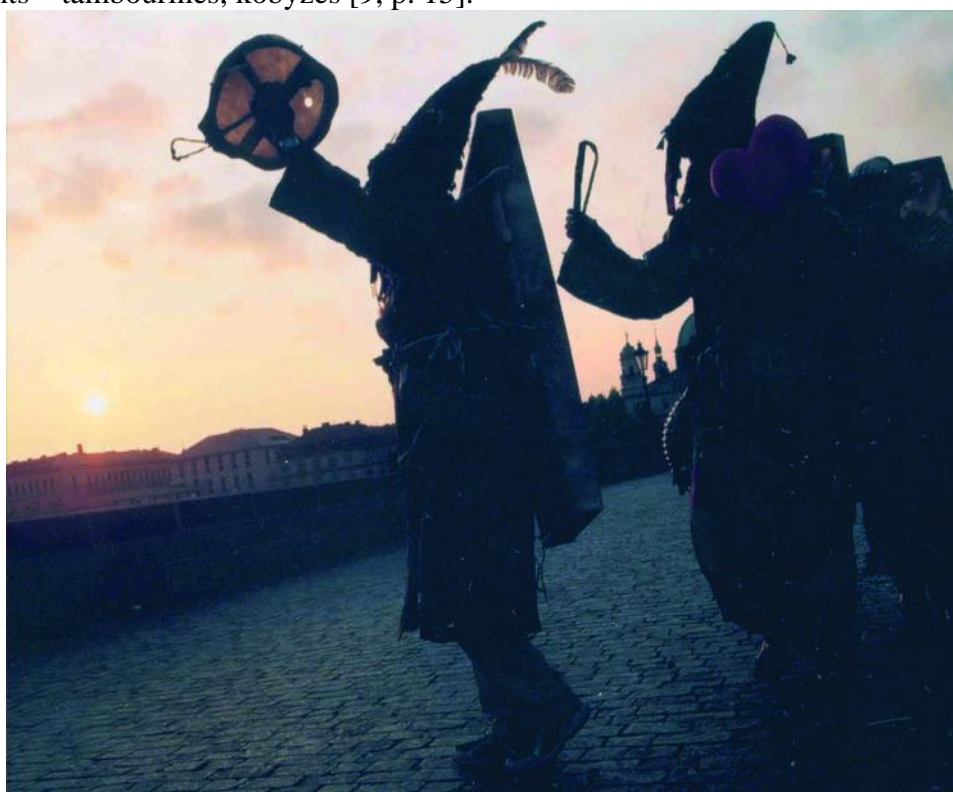

Illustration 1. “Kyzyl tractor”. Charles Bridge, Prague, 2003 [10, p. 41].

The motive of integration, dialogue of cultures and preservation of their identity is characteristic for the creativity of many Kazakhstani musicians – composers and performers. Researcher V. Nedlina notes that its various manifestations (the rethinking of religious and philosophical ideas and musical traditions of shamanism and Tengrianism, a kind of refraction of the artistic installations of World music, nearchaism) characterize the national musical avant-garde as a whole [9, p. 15].

In our opinion, the dialectical term – nearchaism – can unite various vivid works of Kazakh (and wider – Eurasian) cinematography, fine arts, literature, music into a single artistic direction: the Eurasian nearchaism. For a detailed substantiation of our statement, a large-scale international interdisciplinary study will be required. In this article we confine ourselves to a description of the features of this direction in the musical art of Kazakhstan. Among the Kazakh composers, B. Amanjol, E. Khusainov, A. Raimkulova, A. Ershova,

T. Nildikeshev, S. Baiterekov and many composers of the younger generation used the images of archaic in sound.

Creative searches of composers are in many respects consonant with ideas and positions of Eurasianism as philosophy and state idea. The common cultural and historical foundations, the unity of national cultures under the preservation of their identity, the sacral structure and the sacred (shamanic, Tengarian) archaic are subjected to artistic comprehension. Musically this is expressed in:

- combining images of archaic sound (ethno sound) with modern technical techniques (spectral, sonoristic);
- the role of timbre as the main means of artistic expressiveness and structural composition;
- timbreimitation (most often through the transition “kobyz-cello” as bowed chordophones of Kazakh and European cultures).

Often creative search is intuitively more objective than philosophical theories and political attitudes that are subject to the influence of ideology, conjuncture and subjectivity. Contemporary works of Kazakhstan composers reflect the sense of a new common culture of Eurasia, the search for common spiritual roots and a single path of development while preserving the ethnic cultural heritage. Eurasianism in the new creative understanding reflects a new community of European and Asian roots of modern culture, from the inextricable fusion in the concepts of new works. The discovered regularities in the artistic thinking of contemporary Kazakhstani composers allow us to prove the legitimacy and perspective of introducing the concept of “Eurasian neoarchaism” on the basis of academic music performed in Kazakhstan and abroad and internationally recognized.

1. Холопова В. . Китайский авангард: от Сан Туна до Тан Дуна // В кн.: М. Е. Тараканов: Человек и Фонасфера: Воспоминания. Статьи. Москва, Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 243-251.
2. Юнусова В. . О национальной природе музыкального авангарда Азии. Т. Вып. 2. // В кн.: Памяти Романа Ильича Грубера. В мире истории музыки : Статьи. Исследования. Переписка. Москва: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского., 2011. С. 195-216.
3. Юнусова В. Феномен буддийской медитации в традиционной музыкальной культуре и восточном авангарде //Музыковедение: журнал, приложение к периодическому изданию «Музыка и время» – 2012. – № 5. – С. 27-33.
4. Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел //Континент Евразия/сост. АГ Дугин. – 1997. – С. 479-494.
5. Исаев И. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. – 1994. – №. 5. – С. 42-55.
6. Назарбаев Н.А. Проект о формировании Евразийского союза государств //Независимая газета. – 1994. – Т. 8.
7. Недлина В.Е. Реинтерпретация культурного наследия в Казахстане в 1980–2010-х годах на примере музыкального искусства // Обсерватория культуры, No. 2, 2015. С. 47-52.
8. Резникова Е. Молдакул Нарымбетов // «Молдакул Нарымбетов». – Алматы: Государственный музей искусств РК имени А. Кастеева, 2013. – с.18-22.
9. Недлина В.Е. Стилистические тенденции в академической музыке Казахстана 1980–2010-х гг. К вопросу о национальном авангарде // Музыковедение, No. 1, 2015. С. 12-18.
10. Буклет выставки «Молдакул Нарымбетов». – Алматы: Государственный музей искусств РК имени А. Кастеева, 2013. – 114 с.
11. Алпатов А.С. Архаика в мировой музыкальной культуре. Москва: Экон-Информ, 2009. 204 с.

Scientific publication

Scientific achievements of the third millennium

The collection of scientific papers of the materials VI International scientific conference "Scientific achievements of the third millennium"

30.09.2017

SPLN 001-000001-0191-SA

Signed print 28.10.2017. Circulation 400 copies.

Format.60x841/16.

Paper, offset. Printing operative.

Printed by SPC "LJournal"

Editor Chief: Ivanov Vladislav